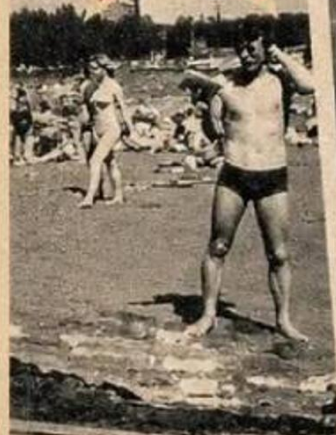

сергей семипядный

ЗАВТРА БЫЛИ ДЕВЯНОСТЫЕ

**УЧИМСЯ У ВЧЕРА —
СТРОИМ ЗАВТРА!**

18+

Сергей Семипядный
Завтра были девяностые

«Автор»

2026

Семипядный С.

Завтра были девяностые / С. Семипядный — «Автор», 2026

Девяностый год. В российской глубинке, где кипят те же страсти, что и в столицах, когда «низы уже не хотят», а «верхи не могут», частный детектив Арсов расследует обстоятельства смерти общественного активиста Виктора Зудитова. Однако действительно ли погибший являлся тем, кем виделся соратникам по борьбе за всё хорошее против всего плохого? И приведёт ли естественное стремление к переустройству общества к ожидаемому результату, когда многие из нас не готовы поступать справедливо и по совести?

© Семипядный С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

вместо эпилога	5
часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Завтра были девяностые

вместо эпилога

Фантастическая история, основанная на тщательно сфабрикованных фактах.
Претензии от признавших в героях самих себя не принимаются.

часть первая

1.

Арсов завёл будильник на семь часов утра, выгнал из головы компанию сумасшедших мыслей и уснул.

Но в половине шестого ветер рванул прикрывшую форточку и бросил капли дождя в его лицо. Арсов проснулся, встал и закрыл форточку. Снова лёг. Подушка была сырой. Он перевернул её...

Спустя четверть часа он двинул кулаком подушку и, оставив постель, присел к столу, чтобы ещё раз проанализировать события последних суток. Взгляд наткнулся на тетрадь в ослепительно белой обложке. Откуда она взялась? Арсов открыл тетрадь. С первой же страницы начинался печатный текст:

«Наблюдения сегодняшнего дня я, параллельно с отчётом, изложил также посредством совокупности письменных средств на русском языке. Это один из сравнительно старых местных способов хранения и передачи информации. Имея желание более глубоко познать культуру этой, условно говоря, цивилизации, я зафиксировал наблюдаемые мною явления, в том числе смерть, в форме так называемого детектива, одного из жанров развлекательной или бульварной литературы, в котором из множества способов размышления – большинство из них, впрочем, здесь и не известны – наиболее продуктивно используется дедукция.

Название романа – «Чело веков». Или – «Девяностый». Или просто – «Завтра были девяностые». Впрочем, как решит публикатор. Ха! Это была шутка. Про публикатора.

Несколько слов про маску... Впрочем, об этом не стоит. Даже учитывая конечную судьбу данного опуса.

Я выбрал пару разнополых существ. Признаюсь, желая облегчить себе задачу, я остановился именно на этой парочке в связи с тем, что у них нет детёнышей, они имеют одинаковое образование и воспитывались на одних широтах. К тому же один из них был сангвиником, а другой, скорее, флегматиком. А что касается нескольких смертей – одним из особенно болезненно переживаемых основополагающих факторов существования, - то это предстало в облике полной неожиданности.

И одной из них я коснулся буквально спустя час после начала эксперимента.

А начата была работа в обычное время их пробуждения – в семь часов. Но была суббота – выходной день. Они продолжали спать. Эти существа треть своей жизни проводят в состоянии внутреннего торможения. Они проспали около миллиона лет в течение своего более или менее сознательного существования, однако до сих пор не познали природу сна.

Вообще в своих представлениях о биохимических процессах человеческие биосистемы не далеко ушли от австралопитеков. Они по-прежнему ограничиваются эмпирическими наблюдениями и те используют лишь для составления сонников. И в результате совокупного невежества насилуют собственную психику и разрушают плоть. Уровень культуры не в состоянии оградить их от излишеств.

Самка спала в позе уверенного в себе, последовательного в рассуждениях, не терпящего неожиданностей, расчётливого и предусмотрительного, властного человека с неразвитым воображением.

О самце же было известно только то, что организация его нервной системы предопределяла его относительный ум, полуинтуитивную способность к обобщениям, излишнюю серьёзность по отношению к чувствам и эмоциональным контактам, а также лёгкую внутреннюю возбудимость при внешней сдержанности и честолюбие при совершенно нейтральной внешности.

Имелась установка – всячески воздерживаться от нарушения естественных для них процессов.

Однако самка перевернулась на спину и выпрямила подогнутую ногу. Язык и нижняя челюсть запрокинутой головы слегка сместились книзу, создавая препятствие для тока воздуха из носовой полости, - она стала дышать ртом. Вибрирующие при вдыхании воздуха ткани верхних дыхательных путей рождали низкий дребезжащий звук.

Уронить стул – что в этом может быть предосудительного? Женщина перестала храпеть. Самец начал медленно двигать конечностями, потом, перемещаясь в плоскости ложа, приблизился к женщине и положил голову между молочных желёз самки. Его мысли стали вырываться из подсознания. Скоро они приняли определённую стабильность. Парализованное сном воображение нарисовало мост через широкую реку, падение с этого моста... В подобных ситуациях они испытывают ужас.

Однако во время ускоряющегося падения мужчина вспомнил, что это лишь сон, сон ни разу не закончившийся смертью. Скорость приближения земли резко уменьшилась, и мужчина мягко коснулся охлаждённой ознобом спиной травяного покрова лесной лужайки. Течение хода мыслительных проявлений замедлилось в десятки раз.

Однако неприятные сновидения на этом не закончились. В узком коридоре с невидимым полом объёмные обои красного цвета виноградными безъягодными ветвями касаются его и листьями заглядывают в карты. И перед кем-то необходимо почтительно склониться. А зубы расшатались и начали крошиться, перемалываемые судорожно сводимыми челюстями. Свободной рукой он поправляет зубы и, боясь выронить их, улыбается сжатыми губами. Но приклеенные к ним челюсти плотно смыкаются и беззвучно, чтобы не нарушить тишину, ломают зубы. Сырой и серый, жмущийся к нему воздух сообщает, что он выиграл.

Он бросает карты. Осталось выплюнуть крошево зубов, однако измочаленные дёсны, взаимовязая, приблизили к носу заросший вдруг струящейся медью подбородок с подарочно упакованной голубой гусеницей на нём. Плевать в гусеницу как-то неудобно. Лучше уж убежать. Но спрессованный ужасом воздух не перемещается, заявляя, что выхода нет. Мужчина просыпается, в панике ощупывает зубы и успокаивается.

Повышенное потовыделение щеки препятствует охвату сном полушарий его мозга, тонус ретикулярной формации повышается – веки обнажают глаза. Мужчина приподнимается и, косясь на смятый сосок груди женщины, перемещает голову на подушку.

Раздражение – сосок бледен и безжизнен – окончательно прогоняет сон. Он протягивает руку и простыней накрывает женщину до подбородка. Он смотрит на потолок, белый и скучный. Небольшие выбоины, тёмная точка, неприметные полоски – вот и всё.

Взгляд мужчины соскальзывает вниз и цепляется за тёмный пушок над коленкой женщины, перебирается по поверхности простыни и притягивается только укрытым холмиком женской груди. Действие ассоциативных факторов постепенно меняет его состояние, пробуждая самое безудержное из всех влечений. И начинает функционировать один из генетических кодов, который – была уже в том уверенность – с минуты на минуту приведёт к единственному парному физиологическому акту человека.

Проникшая под простыню рука вступает в контакт с эрогенными зонами женщины. Женщина глубоко вздыхает, потягивается и, сменив ритм дыхания, замирает. Спустя некоторое время она, глубоко вдыхая очередную порцию воздуха, вновь расправляет тело и, втянув живот, опутывает чёрными кудряшками лобка пальцы мужчины. Начинается так называемая любовная игра с использованием различных видов сексуальных рефлексов, присущих, впрочем, и многим другим представителям млекопитающих.

Коитус в собственном смысле этого слова длится сравнительно недолго. Резко возросшее мышечное напряжение, парализуя психические процессы, рвёт связь женщины с пространством и временем. Она, вскрикнув, впивается пальцами в ягодицы мужчины и, со стоном втя-

гивая воздух сквозь крепко сцепленные утонувшие в дёснах белые зубы, в напряжении замирает... В общем, скоро соитие заканчивается.

Спустя сорок минут они уже сидят за столом, мужчина ест яичницу, женщина – творожный сырок.

- Может быть, тебе не ездить? – произносит мужчина. Голос его безучастен, однако пальцы правой руки с излишним усилием сжимают вилку. Возможно, из-за того, что яичница пересолена.

- А что я должна делать? Как всегда, на телевизор пялиться? – спрашивает женщина и смотрит на мужчину из-под наклонённых книзу и делающих глубокими чёрные глаза ресниц. Брови её удаляются от глаз, губы наполняются обидой. – Мы же совершенно перестали вылезать из нашей конуры. Особенно после того, как ты занялся этим своим... частным сыском. Но обещаю, что оставлю тебя на весь день. Можем встретиться перед самым возвращением. У электрички. У тебя какое там дело, если не секрет? Оказание услуг какому-нибудь ревнивцу?

- Я же говорил, - равнодушным голосом отвечает мужчина, но при этом резким движением отодвигает тарелку. – Самоубийство. Заявители считают, что его довели до этого. Или даже убили.

- И думаешь за день управиться? – женщина эластичными конусообразными пальчиками развитой кисти накладывает кусочки сыра и колбасы на хлеб и ждёт отрицательного ответа.

- Не уверен. Снимем, на всякий случай, гостиницу.

- А где ты хочешь встретиться с нужными людьми? Ну, там, свидетелями, друзьями несчастного?

- Буду звонить – будем определяться. И не с друзьями, а с единомышленниками. У них там что-то вроде ассоциации правдоискателей.

- Тебе мало конфликтов с властью предрежащими? От гонорара хотя бы не отказывайся...»

Арсов отодвинулся вместе со стулом от стола и нервно огляделся. Разные бывают совпадения. И человек, как он полагал, - результат множества совпадений. Не вполне понимая, для чего, он вынул пистолет и, передёрнув, положил его на стол. И вновь углубился в чтение.

«Два дня тому назад, как всегда в случае возникновения потребности в новых заказах, он надел чёрную тройку и белую сорочку с бордовым галстуком и – в тёмных очках, с бордовым кейсом в руке – отправился на заводскую площадь. В 16 часов 15 минут он приблизился к книжному киоску, чтобы купить за двадцать пять копеек «Коммерческий вестник», а затем отойти к торцу киоска с Майклом Джексонем, глазающим на проходную одного из заводов областного центра сквозь истоптанное клейкими лапками мух стекло, и монументализироваться с развёрнутой газетой в руках и кейсом между ног.

Иногда, если будущий заказчик был нетерпелив и успевал поинтересоваться о человеке в чёрном костюме и тёмных очках у киоскёрш, удавалось сэкономить двадцать пять копеек. Однако в этот раз Галина Петровна, знающая в лицо, по её личным подсчётам, около тридцати тысяч жителей города, скорчив удивлённо-отрицающую гримасу, покачала головой и потянулась за «Вестником».

Земля сквозь вихри рассеянной материи мчалась вокруг Солнца, заботливо погружая в его лучи квадратные километры смердящей шкуры. Кооперированные, стандартизированные и типизированные социальной формой движения материи бежали, толкая друг друга хрупкими скорлупками личных интересов, тысячи уплотнений механизма социальных связей, и тысячи комочков сознания, поражённого всеобщей коллективизацией, ласкали массово внушённые провоцирующие образы и идолы потребления, окрашенные нереализуемостью лелеемых притязаний.

И это почти непрерывное и неизбежное общение их между собой, называемое социальной жизнью, мелкими, но резкими взаимодействиями душ и воля гонит их в нивелирующие оковы общественной системы, на орбиту стадного единения-приспособленчества. И отторгнутые за ненадобностью человеческие сущности скулящей мелодией мыслей и чувств реют над скоплениями людей, возмущая – в форме обратной связи – частицы материи атмосферы.

А брызги напряжённой материи – в свою очередь – метеоритным дождём обрушиваются на биосоциальную сферу, нарушая, в частности, состояние бдительного равновесия Арсова, который отнюдь не являлся дробящим поток валуном, а скорее – лишь относительно неподвижной временно занесённой в заводь щепкой.

Арсов вынул из кармана кость – чёрный белоглазый кубик, подбросил... Аккуратно разжал кулак – пятёрка. И неосознанно оглянулся. В трёх с половиной метрах позади него стоял крупноголовый и объёмистый темнобородый тридцатилетний мужчина, в джемпере и варёных брюках, но при галстук и пупырчатой папке.

- Прошу прощения, вы Шварцборд? Я не обознался? – голосом, не соответствующим комплекции, вежливо-жиденьким, как тотчас же классифицировал его «Шварцборд», заговорил мужчина.

Арсов опустил взгляд. И удовлетворённо отметил, что интеллектуало-амбал стоит в позе взволнованно-робкого ожидания, сместив центр тяжести тела на носки туфель. Уже ставшее привычным раздражение («полжизни без кличек – и на тебе»), полыхнув, рассосалось, раздробленное импульсом подогретого самолюбия.

Арсов понимал, что затянувшаяся пауза на фоне его, вероятно, ледяного взгляда и официального антуража тела грозит напряжением обстановки. Материальная основа накопления чего-то отрицательного, символизации не поддающегося, но требующего немедленного устранения, Арсову была не известна, и потому состояния спокойствия души он мог достичь единственным способом – усилием воли выступить за пределы чувственного мира, в мир реальных отношений двух реальных людей.

- У вас ко мне какое-то дело? – Арсов радостно оживился и даже поменял цвет лица, уловил ответный импульс и, не дожидаясь словесного ответа, предложил: - Идёмте в парк, там и поговорим.

- Не могли бы вы принять заказ на установление причин самоубийства?

Это – в парке, отвислостью брюк примериваясь к скамейке.

А раньше – двести метров до парка и тридцать – на иголках взглядов двух затаившихся под грязной акацией старушек да под вспышками обаяния только что прочитавшей о конфликте советских и югославских проституток и томившейся над проблемой определения количества рублей в пятидесяти динарах молодой и милой женщины.

Это – несколько минут разговора о погоде и предстоящем приезде Аллы Пугачёвой.

И, конечно, знакомство.

- Моё имя Максим... - проговорил Арсов и, словно бы поколебавшись секунду, закончил: – Нет, называйте меня просто Максимом. Или лучше – Максом. Это больше подходит к имени Шварцборд.

Треугольная мышца слегка опустила уголки его рта. Арсов не терпел ни пренебрежительного к себе отношения, ни фамильярности, однако со стороны Валентина Марсика – так представился заказчик – щипки панибратского «ты», он был убеждён, не предвиделись.

Марсик был не из тех людей, что всегда живут именно здесь и сейчас, именно в данной точке пространства и в интересующее окружающих время. Он из тех, что живут где-то там, где проживают графоманы и неудачливые художники, - на слегка заглублённом уровне внутренней реальности, поёживаясь от искажений повседневных отношений.

Он и ходил-то... Он просто выбрасывал вперёд то одну ногу, то другую, а при освоении внешней среды, несмотря на активные усилия, представал подчас новорождённым крольчон-

ком, слепым и глухим. И переместись гравитационное поле, он не заметил бы, что идёт по стене или потолку. «И наверняка ведь политикой увлекается, килограммами газеты поедает», - неодобрительно подумал Арсов.

Арсов не любил отвечать на вопросы. Задавать же их, проецируя респондента на новые и новые плоскости, это – да. Но отношения взаимной проекции!.. И он, не отвечая, предложил Марсику изложить суть дела.

- Понимаете, все ищут, как говорят, свои ответы на общие вопросы, - Марсик освоился вполне и приготовился, судя по его виду, говорить долго, с лирическими (или философскими) отступлениями. – А ведь все идеи, убеждения – это лишь образы, представления. И актуализированы-то они людьми. Знаете, есть такие стихи... Я сейчас...

- Стихи? – счёл необходимым уточнить Арсов.

- Да-да! – отозвался Марсик и, закинув голову, пропозитил: - Жрецы вседержавной системы ГОСТов кроют из ремков идеал для паствы. «Умам гомо сапиенс низшей касты оплётка нужна одного фасона» - экстракт-постулат основных канонов привилегированного салона.

- Понятно.

- И пусть даже Некто принимает для себя набор актуальных образов, - продолжал Марсик, всё более оживляясь, - однако сегодня актуальны одни, а завтра – другие. Я уж не говорю о пространственной градации их. И человек приходит в уныние. А уныние перерастает в отчаяние. А если уж человека охватило отчаяние, если он, как говорят, парализован им, то ему легче застрелиться или даже повеситься, чем вспомнить, что всё преходяще. Это же так просто. Всё преходяще! Понимаете? – Марсик подпрыгнул на скамейке. – Однако попробуйте об этом вспомнить в нужный момент!

- Вы что же, философ или... психолог? – спросил Арсов и резко поднял палец. – Секунду! Вы – социолог. Однако работаете... дежурным электриком, увлекаетесь политикой и поэзией. Да и сами пописываете. Так? Приехали вы в центр нашей многострадальной области со второй электричкой, так как на первую проспали. А жена ваша не любит ходить по магазинам.

- Но-о мы-ы-ы... - замычал Марсик. – Я что-то не припомню...

- Не мучайтесь. Мы в детский сад вместе ходили.

- Но-о... дежурным электриком я стал позднее. – Марсик озадаченно улыбнулся и осмотрел себя, словно на одежде могла оказаться табличка с приведёнными Арсовым данными. Осмотрел очень невнимательно.

- Уважаемый Валентин, - вежливо улыбаясь, ответил Арсов, - мне, вероятно, нужно будет что-нибудь записать, но загорится ли, когда стемнеет, этот канделяброподобный фонарь, не перегорел ли у него ПКЕ? Как там дальше?

- Двести двенадцать, кажется, - полумашинально дополнил Марсик, мельком глянув на находящийся неподалёку от скамейки столб. – Но не до позднего же вечера мы...

- Да, двести двенадцать дефис... - Арсов сделал паузу.

- Нет, дальше не помню. У нас другой системы...

- А я могу продолжить, хотя едва ли не впервые, проходя мимо, обратил на него внимание. Вам понятно, каким образом я получил некоторые сведения о вас?

- Не вполне... Осветить бы подробнее. Несколько бы квантов – на узловые моменты...

- Хорошо, Валентин, но – в следующий раз. А сейчас... Да, давайте о вашем деле, и именно так, как вы выразились... Ну, по паре квантов...

- На узловые моменты? Хорошо, я попробую, - ответил Марсик и приступил к погружению в необходимое для этого состояние.

Драматически насыщенное полотно судьбы близкого соплеменника свернуть в лоскуток конспекта заведомо жалкого рассказа о частном жизненном случае – это непросто. Однако Марсик уважал профессионализм во всех его проявлениях, а в собеседнике он угадал профес-

сионала, и, придя к выводу, что тому не нужны эмоции, попытался, внутренне, правда, сопротивляясь, отдалить от себя происшедшее и взглянуть на всё это как бы со стороны.

Однако как «мелькающие огоньки только на миг включают все качества пламени», так и Марсик, не способный вырваться за границы собственного интереса к Зудитову, мог лишь слабым фонариком шарить в громаде ночи. Это на их-то уровне цивилизации-дикости маломерного обрывка Вселенной пытаться увидеть или хотя бы вообразить другого человека в его истинном проявлении!..

- Итак, Виктор Зудитов работал мастером на градообразующем комбинате нашего города, - отрицательным эффектом угасания эмоций было излишнее мышечное расслабление – Марсик откинулся на спинку скамьи, - в цехе крупного литья, точнее – в инструментальном его хозяйстве. Что касается работы, то звёзд с неба, как я понял, он не хватал. В том смысле, что ни машина, ни квартира из директорского фонда ему не светили. Он был просто хорошим работником. У него были хорошие отношения со всеми, как с руководством цеха, так и с рабочими. Как я мог заключить, Зудитова не интересовали ни концентрированное антипространство, ни то, откуда Солнце берёт девять десятых энергии. Но вот куда исчезает то небольшое, что мы всем миром создаём в нашей богатой ресурсами стране, его интересовало. И когда он стал активнее проявлять этот свой, заметим, законный интерес... Законный же?

- Пожалуй.

- Вот именно. И в сочетании с сугубо личным желанием приобрести «Волгу», в очереди на которую он в течение двух лет стоял первым... Повторяю: в течение двух лет – первым. И... Да, испортились его отношения со всей управленческой машиной. В результате, ему перекрыли кислород и испортили его отношения с рабочими. Нет плана – нет и премии. А премия-то – семьдесят процентов. СТК и профком сначала решили: ему автомобиль. Радуйся, мол. А потом коллективу предложили двадцать алжирских холодильников взамен «Волги». Да ещё стиральных машин «Малютка» пообещали. Ну, каждому, как говорят, приятнее «Малютка» в собственной ванной, чем «Волга» в чужом гараже. А машину отдали исполкому. Там «Малютки» и холодильники уже у всех имеются, а вот «Волги» у зама предисполкома Обобурова не было. А «Волга»-то сейчас на рынке в три раза дороже, чем в магазине. Считайте, сколько тысяч отняли. Это сейчас, а завтра? Человек всю жизнь собирал по крохам восемнадцатикопеечные – по некоторым подсчётам – рубли! И в очереди первым стоял. И вот дождался, наконец! Пока дети играют, нарезанные для игры бумажки деньгами являются. А кончится игра? Ну, к рынку перейдем. Тогда что? Вместо «Волги» - спички у спекулянта?! Организующая социальная сила в форме карманных портретов Ленина рассеивается, как утренний туман. На дворе-то – полдень перестройки!

Марсик разволновался – и не видел ничего. Существовали только голос его и тот, кто должен был услышать его. Услышать и разглядеть услышанное, чтобы увидеть всё в том же ракурсе, цвете и пропорциях, в каких это типичнейшее социальное явление предстаёт в глазах «неравнодушных» людей.

Марсик уже и не предпринимал попыток нейтрализовать собственный внутренний голос, рвущийся наружу взволнованными вскриками. Марсик не заметил, как при имени «Обобуров» скучающе-отдыхающая молодая женщина вскинула на него круглые глаза. Это не могло укрыться от внимания Арсова. Но Обобуров – не рядовой житель области, а в городишке, что в тридцати минутах езды отсюда, и вообще фигура видная, и рефлекторный интерес к его имени со стороны кого бы то ни было не является чем-либо неестественным.

- И кто, вы полагаете, подлежит ответственности за доведение Зудитова до самоубийства? – спросил Арсов приглушённо. Ему показалось, что говорить излишне громко не следует.

- Да Обобуров же! – возмущённо вскрикнул Марсик и для убедительности из внутренних резервов плеснул в глаза свои изрядную долю изумления. – Мы добьёмся – его будут судить.

Но нам нужна ваша помощь. Пять лет перестройки, а этот обскурант и наглый стяжатель продолжает нас унижать!

- А кто-то сказал: родные наши бюрократы – узда для наших дураков, - вставил Арсов.

- Да что вы говорите! Он же... Он же сам – всистемленный дурак, один из «матрёшечно несхожих дураков, разноразмерных эмбрионов», которые по-прежнему решают за нас наши насущные, наболевшие проблемы. Да я убеждён: любая статистически сверхкорректная выборка подтвердит, что все они, большинство из них... И я вам ещё не всё рассказал. Как говорится, надо предвидеть рождение новых возможностей. И мы должны доказать... Ответственность нашего города доказать должна, что мы сбросили паранджу тупой покорности. Мы не позволим безнаказанно убивать нас!

- Убивать? – переспросил Арсов.

- Ну не непосредственно, как я думаю. Но Бякин и Бугорков считают, однако, что Зудитов не сам ушёл из жизни, а, как говорят, с чьей-то помощью. Но, правда, знаете, у Зудитова были причины разочароваться в жизни. Он ведь полгода боролся с тем же Обобуровым за десятиметровую комнатёнку. Представьте, он же был бездомным человеком! Когда мы познакомились, он был в отчаянии и не верил в лучшее будущее!

- Когда это было?

- Года полтора назад. Мы познакомились с ним в суде. Он пришёл туда, чтобы поболеть за нашего товарища. Мы листовки развешивали – он прочитал и пришёл. Мы потом все помогли ему выбить эту комнатку в гостинке. В доме гостиничного типа. Представьте: комнатка – девять метров. «Мусорка»! Через неё труба мусоропроводная проходит. Бугорков был у него, видел. И – тяжба полугодовая, кипы бумаг.

- А как Зудитов попал в «мусорку»?

- Ну не сам же он туда бы полез! Он что, ненормальный? Начальник цеха попросил начальника ЖЕКа поселить Зудитова куда-нибудь временно. На «мусорки» ведь до восьмидесят третьего ордера выдавали. Потом исполком запретил, однако людей туда без ордеров продолжали вселять. И до сих пор ещё вселяют. Ну, обычно, - сантехников, дворников, пока они служебное жильё ждут. И – если им прописка не нужна. А начальник ЖЭКа сменилась, женщина там работала, и началось. Предупреждения, потом повестки в суд. До суда, правда, не дошло, то есть – до выселения через суд. Однако скольких нервов ему это стоило! Кому он там мешал?! И в личной жизни ему не везло. С женой разошёлся много лет назад, с дочерью расстался. И новой семьи не создал. Он очень страдал из-за своей неустроенности, поверьте!

Марсик вновь расчувствовался. Виктор Зудитов уже мёртв, однако Марсик для чего-то переживает по поводу прижизненных неудобств покойного. Марсик, несомненно, из тех людей, для которых состояние эмоциональной нейтральности непереносимо. Переживал Марсик молча, понуро опустив горестно покачивающуюся голову и невидяще уставясь на вельветовые туфли свои.

И когда он поднял голову, то даже растерялся под холодным, ждущим взглядом Арсова.

- Скажите, Валентин, пожалуйста, что вам говорили о смерти Зудитова Бякин и Бугорков? И не откажите в любезности предоставить мне их координаты. А также – данные и координаты всех известных вам знакомых, друзей, родных Зудитова. Договорились? Я вам дам авторучку и листочек.

- Я всё, конечно, напишу. Точнее, я ещё дома всё это записал. И сейчас ещё дополню, - торопливо проговорил Марсик. – Ну а что там говорили Бугорков и Бякин – это уж лучше они сами вам расскажут. Дней за десять до смерти у Зудитова синяк появился. Кто его избил – не известно. Да я и не особенно в курсе. И я и не верю, честно говоря, в убийство. Как будто убийство – это что-то вроде... Ведь чтобы убить человека, нужно... омертвиться, что ли, ненавистью. А они рассуждают об этом... - Марсик развёл руками и с помощью мимики лица выразил крайнее своё недоумение.

Марсик вновь заговорил о Зудитове, подробно, цепляясь за мелочи, отвлекаясь. «Поверьте, перечень способов самовыражения очень ограничен... Самоощущение человека в обществе... Пролить свет – вот и брошена тень... Реализация собственных возможностей...»

Сколько сил вложено двуногими в доведение до абсурда их способностей к символизации внешнего мира! Для того, очевидно, чтобы веками кататься на гвоздях словесных комбинаций, уворачиваясь от ударов зломатериализованных идей и символов.

Арсов уже почти не слушал Марсика. Марсик вызывал теперь даже некоторое раздражение, равное, приблизительно, раздражению, пробуждаемому видом околоподъездных старушек. Арсова заинтересовала эта сидящая неподалёку женщина с круглыми чёрными глазами и чудесной архитектоникой подёрнутого одеждой нежного тела, скроенного – во вкусе старшего поколения – с применением крутых лекал.

Наконец Арсов распрощался с Марсиком и, продолжая сидеть на скамейке, принял вид озабоченно листающего записную книжку человека. Минуты две спустя он огляделся по сторонам – не так, как он делал это ранее, а сняв очки и поворачивая голову вправо и влево, – затем поднялся со скамейки, потоптался на месте, словно в нерешительности, и направился наискосок через парковую дорожку навстречу взгляду отчего-то встревоженных глаз.

Арсов знал, что самый оптимальный способ знакомства с женщиной – просьба о помощи. Он попытался увидеть своё лицо, чтобы дооформить его в соответствии с ситуацией... Вспомнились обстоятельства знакомства с женой.

Тогда он, молодой специалист, впервые командированный в областное управление, подходил к двери своего гостиничного номера. Навстречу ему быстрой, лёгкой походкой направилась стройненькая, длинноногая, тонкая в кости брюнетка из 904 (в сумме – тринадцать) номера. До этого она стояла у двери своей комнаты, склонив в ожидании голову со скромной шишкой длинных волос на макушке и держась за дверную ручку.

Девушка шла явно к нему, она и смотрела непосредственно в его глаза.

Она шла именно к нему, и поэтому он замер, уцепившись за ключ, вставленный в замочную скважину, и вывернув голову лицом к женщине.

Она, как будто, спешила, однако шла очень долго, значительно более трёх секунд.

Ранее он встречал эту молодую женщину в буфете гостиницы и здесь, в коридоре, однако не мог поймать её взгляда, который скользил по нему, как по гладкой стене какого-нибудь нейтрального цвета. Сейчас же она видела его, лицо её было приветливо, губки улыбались.

- Простите, молодой человек, вы не можете мне передвинуть кровать поближе к батарее?

Девушка смотрела почти просительно.

«Зачем столько слов? – поразился он. – Могла бы просто поманить пальцем».

- Конечно же, конечно, помогу! – пролепетал незамедлительно и так заспешил, что даже пришлось немного подождать хозяйку 904 номера около двери.

Пока они передвигали кровать, Арсов ответил на несколько вопросов о себе, получил приглашение на кофе и заметил, что покрывало на кровати – зелёного цвета.

- Вы меня простите, я у товарища забыл спросить, - заговорил Арсов, останавливаясь на расстоянии, позволявшем круглоглазой смотреть на него не задирая особенно головы. – Мне нужно узнать, где можно сделать заказ на остекление балкона. Или подскажите, пожалуйста, с чего начать? Дом быта, бюро добрых услуг какое-нибудь? – Арсов говорил быстро, со смущённой улыбкой, как бы стыдясь своей – вынужденной – назойливости и стремясь всемерно сократить отнимаемое им время.

Замечено, что большинство представительниц слабого пола склонны проявлять едва ли не материнскую заботу о вступивших в единоборство с бытовыми проблемами представителей сильного пола. И женщина, признавшись, что она не местная, бросилась, тем не менее, на

выручку Арсову. Она высказывала одно предположение за другим, тут же отвергала их, возвращалась к ним вновь и принималась объяснять, как добраться до той или иной шарашки.

Арсов слушал, кивая, запоминая закатывая глаза и не упуская при этом возможности отдать должное привлекательности взволнованной женщины, как-то: задержать взгляд на особенно ярких атрибутах женской натуры и вдруг поспешно бросить его вниз или в сторону, ответить невпопад или с некоторой задержкой. А то и, задав явно лишний вопрос, указать тем самым на нежелание скоро расстаться.

Женщина охотно приняла эти знаки внимания – извержение информации замедлилось, движения обрели законченность, внутренняя энергия выплеснулась наружу и увеличила напряжение солнечной системы. И женщина стала такой, какой подсознательно и желал её видеть Осмысливший Существование Вселенной.

И в этот момент раздался звук автомобильного сигнала, донёсшийся со стороны входа в парк. Собеседница Арсова дёрнула в досаде головой, затем вскинула руку и жестом предложила обождать её.

Она поднялась со скамейки, сказала, покачав головой:

- Не знаю, смогла ли вам чем помочь?

- Вас ждут – я уже не успею ответить. Если бы знал номер вашего телефона...

- Двадцать три, четыреста три. Легко запомнить.

- И забыть невозможно, - ответил Арсов, окрасив сказанное дополнительным смыслом. –

А кто снимет трубку? Обворожительная и Несравненная Пропагандистка Сервиса или её муж?

- Скорее всего – Виолетта.

Виолетта, улыбаясь, попятилась к выходу, ожидая, что Арсов представится ей, - не дождалась, повернулась и быстро пошла на неприятный звук сигнала чёрной «Волги» с двумя нолями. Арсов, хотя и ожидал подобного разворота событий, давно отметив поглядывание Виолетты на пролегающую за забором дорогу, да и не амурными были побудительные мотивы знакомства с нею, испытал, однако, чувствительный приступ ревности».

Арсов уже почти адаптировался к воздействиям воспринимаемого при чтении белой тетради. Он старался не отвлекаться на размышления, укладывая вопросы на многочисленные полочки.

«Тридцать минут спустя электровоз начал движение от железнодорожного вокзала, чтобы переместить двенадцать вагонов с пятьюстами двенадцатью пассажирами на тридцать километров в юго-западном направлении. В четвёртом вагоне более сорока этих слаборазвитых существ, психически подавленных, ослабленных физически, разъединённых сугубо личными мыслями, заботами, переживаниями, застыли в своеобразном анабиозе.

Обладея биологической предрасположенностью к единению с соплеменниками, интеграции различных видов деятельности, многовековым стремлением и на жительство располагаться на географических широтах мегаполисов, они опутали себя сетью писанных и неписанных условностей. Обладающие единой совокупностью определяющих физических и духовных свойств, но не желающие признать эгоцентрической сущности человека как живого существа, они – не в силах прервать пленения в напластования внешнеориентированного презрения и неосмысленного эгоизма – понуждают друг друга к постоянной лжи, боятся, ненавидят, презирают окружающих.

Треть пассажиров составляли скукоженные пожилые люди: испуганные старушки и мрачноглазые старики, безвкусно, негигиенично одетые, с тяжёлыми, неуклюжими мыслями и болезненно оголяющейся совестью. Были молодые женщины с капризными нездоровыми детьми и ищущими глазами, женщины средних лет, наиболее уравновешенные, но особенно уродливые внешне, и – серо-синие мужчины.

Сидела и, неторопливо поднимая ресницы, принимала взгляды мужчин сероглазая блондинка, полноватая и широконосенькая, однако влекущая мягкой раскованностью удобно одетого тела, удачным сочетанием цветов макияжа, формой тщательно нарисованных губ и даже – взаиморасположением линий непропорционально маленьких, кругленьких ушей. И не являвший собой исключения Арсов, отрывая время от времени глаза от страницы журнала и обводя задумчивым, отрешённым взглядом лица пассажиров, касался блеска серых глаз и легко вздрагивающих молодых губ.

Чтобы как-то занять себя, - да и меня, конечно же, не может не интересовать психика людей, закономерности восприятия, запоминания, воспроизведения, - я стал перебирать биоэнергетические поля. Несмотря на высокий уровень подготовленности, грозили захлестнуть меня волны эмоций, чувственных образов этих находящихся в состоянии мышечной расслабленности существ с замедленными двигательными реакциям.

«Так тебе и надо! Замочную скважину надо нюхать. Раньше не мог догнать? А-а, мокруху всё равно не повесят... А из-за хавиры вспотею, видать. И попробуй выздороветь – с моим-то багажом... А вдруг там, ой-ё-ёй!.. А если там мохнатая кража?! Глухой форшмак! Из-за плесени чалиться по рупь семнадцать! Тоже мне, выстриг хавиру! БДС бацильный! Пластыря шейного мало ему налепил, добавить бы!..»

«Я должна быть спокойна. Каким образом всё это может касаться меня? Физическое единство – это ещё не крушение барьеров между двумя противоположностями. И вовремя воспользоваться уменьшительным стеклом – главное...»

«Ведь и в Бога не веруют. Не веруют и не молились никогда... А ведь живут... Живут как-то...»

Приходилось выбирать, и я выбрал.

Если заключить в словесную форму это мысленно воспроизведённое, - то ли создаваемое воображением, то ли сохранившееся в памяти, - по возможности систематизировав с учётом временной последовательности, получится нечто подобное следующему монологу:

«Мы пили шампанское. Сколько же мы выпили? Я немного опьянела... А как я лихо избавилась от этого хлыща! Впрочем, мужик как мужик – вот и все его недостатки...»

Когда подходила к гостинице, у меня было прекрасное настроение. Однако сейчас я лягу в постель и... И усну. И кончится этот день. Смолкнет музыка и уйдёт в прошлое варьете... А приснится какая-нибудь ерунда, или что-нибудь ужасное. А пять минут назад я плакала...

Но сейчас – не плачу. Просто я медленно-медленно ухожу из вечера в ночь... Не хочу!

За спиной хлопает дверь. Я оглядываюсь. Вечер остаётся за этой дверью и смотрит на меня десятками тусклых глаз-листьев по-городскому безголового тополя. Я машу рукой... Я медленно, считая ступеньки, поднимаюсь по лестнице. Сбиваюсь со счёту. И приходится вернуться назад... А на площадке третьего этажа сидит он.

И курит. Сбиваюсь со счёту... И вообще перестаю считать дурацкие ступеньки. Мы не знакомы, но в лицо он меня, конечно, знает – я далеко не серенькая. Он встаёт, освобождая проход. Я останавливаюсь и разглядываю его профиль. Черты лица правильными не назовёшь, но – ничего отталкивающего. Симпатичный. Или – почти... Он даже забыл обо мне. Забыл, зачем встал и прислонился к стене. А может, сделал вид?

Я произвожу один шаг. И он поворачивает голову. Я уже знаю, что мне делать. Этой ночи у меня не будет. Завтра, точнее – уже сегодня... надо куда-то там бежать. Плевать на это «куда-то».

- А вы знаете, я была в ресторане. Там прекрасное варьете. Там такие девочки!..

Боже, как танцевали эти девчонки! Как я восхищалась ими! Или завидовала им? Больше, наверно, всё-таки восторгалась. Так владеть своим телом, красивым телом! Я завидовала красоте, изящности их движений, раскованности. Эта раскованность невозможна без раскрепощения составляющих души. Конечно, это – не балет...

Я говорю и говорю. Он смотрит на меня. Сначала с удивлением, потом – с интересом. Я, кажется, не смогла бы остановиться, даже если бы захотела. Во мне столько всего накопилось... Я, конечно, немного кокетничаю, но, хочется верить, не глупо. Я вспоминаю, как с трёх лет ходила на кончиках пальцев, как трепетала при словах «балет», «танец». Вообще, болтаю какие-то глупости...

Это продолжается неизвестно сколько времени. Я уже знаю, что нравлюсь ему... Кого-то он напоминает... Какого-то артиста или певца... Я замолкаю. Ему осталось лишь пожелать мне спокойной ночи и уйти... Он спускается на две ступеньки, разъединяющие нас. И гладит меня по голове. Мне кажется, я чувствую его насмешливый взгляд. У него всегда насмешливые глаза. Сейчас он скажет что-нибудь шутливое и уйдёт. Я дрожу, он, наверное, видит это. Если он поцелует меня, то у меня, вероятно, подогнутся ноги. Как когда-то – при первом в жизни поцелуе...

Он уже не может уйти. Его руки перебирают мои волосы, спускаются на голые плечи. Как хорошо, мелькает мысль, что я надела это платье! Слава тебе, мода десятых и последующих годов! Я закрываю глаза и поднимаю голову. Лицо его – рядом с моим, а руки всё быстрее скользят вдоль всего моего тела, задерживаясь на мгновение то на груди, то на талии и ниже... Я нахожу его губы...

Мы целуемся. Его руки, касаясь лишь внешних, физических форм организма, пленяют всё моё существо. И всюду желанными становятся эти руки, которых всего две и которых – мало...»

Арсов вспоминает Ирину Зелинку на фоне заключённых в вагоне пленников МПС. Да, конечно, она была похожа на возвращающуюся со свидания женщину. Именно – «похожа»... Эта несчастная женщина, сбивающая колени перед кирпичиками рассыпавшегося в юности образа блестящего принца.

«Это был старый вокзал. Вообще здесь существуют только старые и новые вокзалы. В смысле времени возведения зданий этих вокзалов. Их тысячи, и старых, и новых, больших и маленьких, угнетающих липкой теснотой и относительно свободных, более или менее комфортабельных и – с покрытыми льдом жёлтого цвета низкотемпературными деревянными туалетами.

Каким бы совершенным ни был мозг, тем более человеческий, сохранить в памяти можно лишь внешние проявления вокзалов, сливающиеся в сознании в нечто общее, не столько портрет, сколько теневое отражение чего-то громоздкого. На человека, располагающего крайне ограниченными защитными возможностями, на органы его чувств обрушивается масса раздражающих факторов: мелькание обличей, буффонада голосов различных тембров, многообразие множества запахов – всё это просто выгалкивает человека наружу. Среди ощущений человека, прошедшего некоторое время на вокзале, преобладает ощущение нечистоты, подобное восприятию рукой сжимающей её потной ладони соплеменника.

И всё-таки эта парочка, сойдя с поезда, почувствовала себя то ли группой путешественников, то ли объединением туристов и принялась вертеть головами по сторонам. Это привело к тому, что самец ударился в узком дверном проходе об огромный чемодан, который несла крупная особь мужского пола, а самка оказалась в центральной луже монументального крыльца вокзала и раздражённо-кокетливо заповизгивала.

Их встретили двое. Однако к ним не подошли, а последовали за ними на расстоянии десяти – пятнадцати метров. Один, короткаторсный, длиннорукий и длинноногий, однако с увеличенной прочной мускульной структурой объёмной грудной клетки, быстро, но мягко ставя длинные узкие ступни и поглаживая усы прикрывающим половину лица движением клинообразной ладони, говорил:

- Понял, за кем мы идём? Он со своей бабой, но это даже лучше... Ну, меньше будет черепушкой по сторонам вертеть. И – осторожно. Покажешь уши, пеняй на себя. А он – кадр прожжённый, зевнёшь – купит сходу. Понял?

- Думаете, ожидает этого? – слегка уменьшаясь в росте, спросил бритолицый сорокашестиразмерный блондин с мизерным коэффициентом цефализации.

- Думаю, нет. Пока – по крайней мере. Но не исключено, что уже сегодня придётся его обезопасить. Всё. Вперёд! Я уйду.

И ушёл. В сторону перрона. А блондин быстрыми шагами мелкогнувшихся ног последовал за Арсовыми.

Арсовы и несколько десятков им подобных стояли на площади лицом к автобусной стоянке и терпеливо рассматривали «Икарусы», спрессованные вокруг диспетчерской в ядовито-жёлтый монолит. Лишь неуравновешенные, несдержанные люди, существа с ослабленным тормозным процессом, не могли сохранить малоподвижное состояние и энергично лавировали меж будущими пассажирами.

Случалось, из диспетчерской выходил какой-нибудь водитель, совершал неторопливый круиз вокруг своего автобуса, стуча ногой по колёсам, садился в кабину и, навалившись на руль, устремлял взгляд поверх голов будущих пассажиров в направлении, проследить которое было затруднительно.

Ожидавшие выхода на маршрут именно этого автобуса начинали примитивнейшим способом гипнотизировать водителя и, рано или поздно, добивались успеха. Реципиент встряхивал головой, несколько раз с усилием, но плавно разводил передние конечности в стороны и скоро пробуждал автобус к жизни. Большеглазое автосущество трогалось с места и, набрав скорость, увозило куда-то пустыми сидячие и стоячие места или – вдруг! – осаживало около изумлённой толпы.

В первый миг толпа подавалась назад, потом перестраивалась в боевой клин, на острие которого оказывались самые крепкие самцы, далее в сторону основания – наиболее мощные женщины, а за ними – те, кто не очень спешит. И начинался штурм, то есть заполнение методом вдавливания поскрипывавшего «Икаруса». Уровень активности некоторых желающих ехать достигает критической отметки, и целенаправленная эффективность их действий трансформируется в проявления бессмысленной агрессивности.

В автобусе, принявшем Арсовых, постоянно возникали конфликты локального характера. Нинель, недовольная тем, что не взяли такси, приняла участие в двух из них, непосредственно её коснувшихся. Арсов, убеждённый в том, что пассажиры конфликтуют из-за необоснованности претензий на личную исключительность, в течение всей поездки при наиболее резких воздействиях со стороны окружающих лишь сжимался или изгибался поудобнее, а когда дама, мысленно названная им «жирной свиньёй», обругала его хамом, улыбнулся и принёс свои извинения.

Оказалось, стремясь к смягчению эмоциональной напряжённости, он повторял один из самоприказов: «Я внутренне спокоен. Я легко владею собой. Я сильный и добрый. Я выше мелочей, всегда спокоен и уверен в себе. Мне приятно быть вежливым. Меня немного прижимают, поталкивают и потаптывают, но я спокоен. Я люблюсь законным пейзажем. Ещё каких-то десять минут, и я вздохну полной грудью».

2.

Они поднимались по лестнице пятиэтажного дома номер три по улице Пролетарской, когда взгляд Арсова наткнулся на безупречно отполированные хромовые сапоги, скользнул вверх и утонул во встречном взгляде светлолицего брюнета в форме старшего лейтенанта милиции или «поручика Алекса», как значится на подкладке его фуражки.

- Гражданин, не позволяйте задержать вас на минутку? – улыбается милиционер, хотя это не типично для стражей порядка. – Ты что, остолбенел? Вынь руку из кармана и дай её мне на секунду! Я верну.

- Привет, сторожевой пёс социализма! – Арсов протягивает руку для рукопожатия.

- Здравствуй, Мегрэ Холмсович Пуаро! Добрый день, Нинель! А вы, очевидно, ко мне?

- Потрясающе проницателен. Как догадался?

- Ну, знаешь, это ж время потребуется. Если, конечно, излагать всю цепь логических умозаключений. Что ж, посидите, кофейку испейте. Боюсь только, кофе на двадцать четыре часа не хватит.

- Дежуришь?

- Точно. Уж не родственник ли ты мисс Марпл? Дежурным по отделу. Период отпусков, что поделать. А ты подумал, хочу совершить субботний моциончик по окрестным пампасам?

- Очень мне надо твой кофе. К тебе могут привести лишь чисто деловые интересы. И обзаведись телефоном, наконец. Тащишься через весь город... - выговаривает институтскому товарищу своему Алексею Бегунку Максим Арсов, обрадованный известием, что тот сегодня дежурит. – На ближайшие сутки дислоцирую в твоём горотделишке штаб-квартиру. Если позволишь, конечно.

- Нинель, ты входишь в штаб этого нахала? Или продолжишь восхождение, чтобы поворковать с моей благоверной? – спрашивает Бегунок. Ему не терпится посмотреть на часы, однако, сдерживаясь, он поглядывает на уходящие вниз ступеньки.

- Нет-нет, зачем же! – воскликнула Нинель. – Суббота. Она же отдыхает, наверно. Провырнись по магазинам.

- Да там делать нечего! Уж лучше – с нами. И сможешь наглядно проследить путь скатывающихся на подведомственный вашему брату эшафот элементов.

- Кстати, а почему на дежурство идешь к десяти? – спросил Арсов. Он давно наблюдает беспокойство Бегунка, однако не спешит брать на себя инициативу.

- А у нас в десять смена дежурств. Как Свирепый пришёл, так и осчастливил. Поспать любит старый бормотун. – Бегунок украдкой взглядывает на часы.

- Ну что ты мнёшься, винтик задрипанный? Беги на службу! – Арсов освобождает проход. – Опоздаешь – станешь бякой. У вас же, у чинуш, как говорится, дисциплина – залог уважения и почёта.

- Да я ж не понял, со мной вы или нет. Хотя... Ну, до автобуса – в любом случае...

Разговаривая, Бегунок улыбается очень часто. Оскаливается на какие-то мгновения, тотчас энергично стряхивает улыбку с лица и вновь оскаливается. Этот жизнерадостный экземплярчик без видимых симптомов каких-либо заболеваний, однако со следами перегонки табачного дёгтя на зубах, мог бы послужить материалом для исследования на тему: «Что знает о будущем человек, который не думает о смерти?»

- Эх, не могу я ускорить утренние процессы! – оживает, возобновив движение в нужном направлении, Бегунок. – А пробуждение! Сползаю с постели, как стокилограммовая женщина с трамвая! – болтает он, франт и позёр. – А ведь было время... Армию возьмём. Взлетал над кроватью и приземлялся прямо в сапоги. Это, естественно, когда в учебке... Но и в войсках под тёплым одеялом не задерживался ни секунды. Знаете, почему? Я с истинным удовольствием наблюдал жалкую борьбу некоторых за каждую секунду пребывания в уютной постели. Слово «подъём» повергало их в панический ужас. Они таращили опухшие глазёнки из-под одеяла, лезли под подушки, потом высовывались и обиженно озирались.

- Злорадствовал?

- Не побоюсь громкого слова, презирал. Как сам себя сейчас презираю.

- А как быть с любовью? Ты ведь ещё и любишь себя. Не отпирайся.

- Люблю. Да. Но не так, не в такой степени, как ты – себя. Сам же рассказывал, как ежедневно прослушиваешь весь свой организм – не скрипнет ли какой суставчик, не булькнет ли во чреве... Автобус! – прерывает он себя. – Пробежимся?

- Ну не-е-ет, я не побегу, - заявил Арсов. – За автобусами и трамваями не бегаю. Принцип.

- Ещё и принципы лелеешь! А говоришь... Ладно, я побежал. Ты когда в отдел-то?

- Позже. Беги!

Бегунок убежал, а Нинель с раздражением проговорила:

- Хотела бы знать, с каких пор обзавёлся ещё и этим дурацким принципом? В последнее время обложился ими, как мумия египетская... побрякушками какими-нибудь.

- Тебя действительно интересует генезис этого принципа?

- Расскажи, - роняет Нинель, погружаясь, между тем, в свои раздумья.

- Лужа у нашей трамвайной остановки. Помнишь, конечно. Лужа-то приличная. Весной – с бережками оледеневшими. Мимо неё – к автобусу... - Арсов рассказывает полуавтоматически, думая о постороннем. – Все стороной огибают. Я и думаю: перепрыгнуть-то не в состоянии. И скакнул. Перепрыгнул, естественно. Только вот ноги скользнули вперёд и вверх. А на остановке – уйма народу. Кого обрызгал – ругаются, остальные смеются. Встал, расставил руки, ну и ноги, конечно, и засеменял домой переодеваться. Расстроился тогда, помнится, отнюдь не из-за опоздания.

Арсовы решают, где и когда они встретятся, нужна ли гостиница – нужна, заключают единодушно, - и кто снимет номер и в какой гостинице. А на площадке остановки – две захавшиеся женщины и возбуждённый гонкой, бегающий по кругу мужчина. Не дожидаясь нормализации дыхания, перебивая друг друга, женщины гневно осуждают водителя автобуса. В эту минуту им и в голову не приходит, что, продолжай автобус стоять, вереница бегущих к нему вряд ли прервалась бы в течение всего дня.

И вновь объявляется суетливо семенящий тонкими ножонками редковолосый блондин. Его непокидаемость сферы видимости давно уже занимает Арсова. Более вероятно, что блондина или тех, что стоят за ним, интересует особенно именно его, а не Нинель времяпрепровождение, однако следует предоставить соглядатаю возможность свободно сделать выбор, за кем идти дальше.

Арсов простился с Нинель и, положив кейс на чугунную ограду, сделал вид роющегося в его внутренностях делового человека. Между тем, он несколькими точными движениями сфокусировал закреплённое на кармане внутренней стороны крышки зеркальце на приткнувшемся к афишной тумбе потенциальном слушателе лекции об «НЛО».

Без сомнения, это был непрофессионал, однако определённый опыт у него имелся. Напряжённый, как пасущаяся косуля, он был всё же далёк от сломяголового шараханья с глаз неожиданно для него сменившего направление движения на противоположное одного из объектов наблюдения, то есть Нинель. И столбняка, подобного столбняку полномерного паука перед малоразмерной осой, не случилось. Он отвернул головёнку, склонённую к выброшенной из потрёпанного рукава опоясанной ремешком с часами конечности, а пропустив Нинель, тотчас обернулся и через разрез юбки забрался взглядом в колготочную благодать. Однако следом за Нинель он не пошёл, мысленно крикнул и повернулся в сторону Арсова, который тут же решительно захлопнул кейс и запомахивал им в такт неторопливым и небрежным шагам ничем не примечательных ног.

Этот тип представлял для Арсова опасность никак не большую, чем для кукушки – волосатая гусеница. Арсов решил присмотреть подходящий ландшафт, обязательно с телефоном, да и протестировать соглядатаю на качество мышления, благо устремления его ясны, а не достаёт лишь вводной и способствующего самоуглублению одиночества. А обеспечить процесс тестирования недостающими компонентами Арсов вполне способен.

И он ленивой походкой направился в сторону площади Революции, заходя по пути в магазины и другие места изъятия наличности, глаза вокруг и перекладывая постепенно из кейса в карманы джинсовых брюк и в карманы куртки из коричневого тика солнцезащитные кепку и очки, а также чёрный полиэтиленовый пакет.

Логическим продолжением маршрута Арсова был магазин «Промышленные товары». К нему вёл единственный в этом городе подземный переход – гордость местной администрации, которым, впрочем, пользовались преимущественно очень пожилые люди и педагоги этого провинциального стотысячного городка, призванные личным примером воспитывать подрастающие поколения недоумков.

Арсов не сомневался, что блондин, увидев его входящим в туннель, направится напрямиком к магазину. Войдя в подземный переход, Арсов быстро надел кепку и очки, сунул кейс в пакет, а куртку снял, вывернул на левую сторону, оказавшуюся также правой, но светло-серого цвета, и вновь надел.

И выбежал обратно наверх, чтобы усмехнуться и с удовольствием нарисовать в воображении энергичный удар ногой по беспечно обращённому к нему заду топтуна.

Задержать извержение вулкана было бы, пожалуй, проще, нежели отсрочить панику блондина. Она наступила ровно через две минуты. И он засеменял, сбиваясь на бег, в подземный переход, выскочил с другой стороны его, крутнулся на месте, бросился зачем-то обратно. Явно мозг его потребляет значительно менее четверти потока крови.

Неудачник метался по площади, а Арсов стоял у витрины «Головных уборов» и беспокоил его неотступным взглядом. А когда тот в третий раз пробежал мимо, тронул парня за измызганный рукав.

- Который час, не подскажете?

- Нет часов, - заполошно глянув на вежливо улыбающегося Арсова, бормотнул несчастный.

Не узнал! Арсов, как будто, даже расстроился. Мизерный, однако зримый успех вдруг поблёл и мгновенно деградировал в прах.

А вот и сорвана трубка. Два, шесть, восемь... Конечно, сначала необходимо положить двушку... Два, шесть, восемь. Белобрысая голова крутнулась на сто сорок градусов, черкнув по стёклам очков Арсова встревоженным взглядом, и Арсов инстинктивно отвёл глаза. Метнул взгляд обратно – поздно! Последняя цифра – шесть, а какая четвёртая?.. Да-а! Задёргался, как пацан. Ведь в тёмных же очках! Ну, почувствовал он взгляд, однако необходимо же это ещё и осознать. Э-эх, нервишки!

И очередная неудача – длинные, терпеливые гудки. Арсов огорчился не меньше звонившего. Времени жаль. И отпускать его пока нельзя. И на часах уже десять двадцать шесть.

3.

По случайности, телефонная будка располагалась четырьмя метрами ниже двух трёхстворчатых окон. Слова «по случайности» употреблены в связи с тем, что люди в данном случае не усмотрели бы каких-либо связей. За окнами – самый большой и наиболее обогреваемый кабинет этого здания. В ящике стола водятся крошки манника, а кресло значительную часть дневного времени прогревается его хозяином, большим креслоседом.

И в десять часов двадцать шесть минут этого субботнего дня оно неожиданно скрипнуло, прогибаясь под тяжестью объёмистого источника букета гастрономических запахов. Бежать некуда, да и малейший шорох может стоить жизни. Затаиться и ждать, сомкнув хитиновые зубцы! Удобный момент уплотнить пространство в надежде на будущий разряд? Но это пресноводные жгутиковые – то животные, то растения, а люди и насекомые могут веками терпеливо брести по подпороговой канавке, надеясь чёрт-те на что.

И людей можно понять. При желании. Эта вечная избиваемость мысли! Атмосфера бесчисленных войн, иноземных вторжений и внутренних распрей, смут, заговоров и дворцовых переворотов... Всё – в колючем мешке стихийных бедствий. И гаснут всполохи интеллекта.

И ткётся пряжа мыслей паутиной по углам замкнутого пространства трёхмерного человеческого мирка, где рвут её вихри аффективных движений бесконтрольной материи.

И пыль времён хоронит обрывки узоров. Время всё тащит за собой. Когда-нибудь люди и тараканов победят.

А пока из человека, сидящего в кресле, мысли лениво текли в никуда – их удержать человек не пытался, знал, что они всё равно бы ушли – только оставили б в слабеньком мозге тысячи зон возбуждённой коры – а в них народились бы новые мысли, своими углами царапали б мозг – и мозг, рефлексируя, всё уплотнялся б, свивая извилины в тесный клубок, - в итоге всё это могло привести бы к прощанию с креслом и массе хлопот.

Да, взаимоотношения человека, кресла и мыслительных процессов гармоничны и покойны:

Фьють-фью-ю-фьють-фью-ю-фьють-фью-ю-фьють,
Фьють-фью-ю-фьють-фью-ю-фьють-фью-ю-фьютик.

И не следовало креслодаву ящик стола выдвигать.

Сделал-то он это без всякой необходимости. Чтобы руки занять. И увидел вылупенца единственного не съеденного буфетскими прусаками яйца изгнанных чёрных тараканов. «Чёрный таракан!!!» Ослабил галстук и бросился ловить его, но не поймал. Расстроился, хотя и не знал, необходимо ли было таракана выловить и убить, или это значения уже не имело.

А этот бросок хищника – что это? Рефлекс запечного детства, или включилась одна из примитивнейших программ инстинктивного поведения? В любом случае – раб ситуации, легко скувыркнувшийся на упрощённый уровень одноэтапного мышления.

А чёрный таракан – что тут такого? Ерунда, бессмыслица, нелепица! Как сказал бы поэт, бывший юный барабанщик, «тьфу-тьфу, тьфу-тьфу-тьфу». Вот если бы жук-часовщик бил головой по деревянным стенкам своих ходов – верная примета.

И все-таки хозяин кабинета и его потрохов, как шарик на резинке, задёргался на невидимом отростке шкафчика с бронзовой ручкой коньячного цвета. Наконец ручка зацепилась за его пальцы, дверца открылась, стограммовый бокальчик наполнился золотистой жидкостью, а молекулы виноградного спирта засуетились на уровне серебряной каёмки... Последние несколько сотен их вырвались в кубический объём помещения, когда кабинетчик, удовлетворённый прохождением коньяка по пищеводу, крикнул, заглушая телефонный звонок. Выходной день. Можно сидеть, слушать попискивание телефона... И не снять трубку. Звоните, мол, в понедельник, в течение дня. То же, что валерьянка для кошки, дубовый сок для жука-олени, а экссудат жука ломехузы для муравья, алкоголь – для человека.

Звонила Виолетта Савалева, секретарь собеса, одинокая женщина. Звонила с тем же упорством, с каким уже три года она, с первых дней после приезда включившись в факультативную половую жизнь местного поднебесья, готовила систему связей для будущей деятельности своего любовника, осуждённого во времена андроповщины афериста Вовчика Курки.

- Вас-илий Вас-илич, мне необходимо срочно встретиться с вами, - пропела она доверительно-таинственным голосом. – К сожалению, ни слова не могу сказать по телефону. Но это очень, очень и очень важно. И больше – для вас. Я вчера вам домой звонила. Даже. Даже – домой!

Но именно сегодня Василий Васильевич и не мог слышать слова «вчера», ассоциировавшегося у него с конкретным промежутком времени, часть которого он прожил так, что при

малейшей проекции его на день сегодняшний Василия Васильевича начинали мучить тяжёлые переживания, называемые угрызениями совести.

Вчера он потерпел – не впервые – поражение в борьбе с плотью, «гносною», «мерзкою», «всезлою», «скверною», как называл её когда-то сравнительно далёкий предок его крепостной Любимко Обабуров. Вчера богатство его природной сущности в грубо-естественной форме попёрло наружу и едва не привело к кровавому конфликту на почве полового соперничества. И это – в ресторане, набитом самцами, намагниченными близостью стремящихся из одежонок вон женских телес.

- Вас-силий Вас-силич, вам угрожает опасность! Разрешите мне сейчас же прийти к вам?!

Если не знать Савалееву, можно вообразить, что через пять минут в окно влетит пуля террориста-снайпера (затвор уже в боевом положении), или из-под стола взметнётся взрыв. Но, опять же, – внешняя угроза. Всё, кажется, изжёвано нетрезвым сознанием, а она, отчётливая и стереоскопически объёмная, почему-то не торопится кануть в прошлое.

- Приходи, Виолочка. Жду, - сказал в трубку и дал «отбой», подумал секунду и ткнул пальцем в селектор. – Петрович?.. Да виделись уже. Там я, слышь, работников собеса Кормову и Савалееву вызывал... Так вот, как подойдут, сразу пусть поднимаются. Всё. Бди! Бди, говорю, Петрович.

«Бережёного Бог бережёт, - подумал почти что вслух. – А то уж сколько хороших мужиков на бабах погорело».

Спустя пять минут в комнате таинственным образом возникла Виолетта. Когда Василий Васильевич обнаружил её, она стояла уже совсем близко и молча радовалась встрече с ним – круглила глаза, излучая свет. Василий Васильевич был убеждён, что «Виолочка» безумно рада видеть «Вас-силия Вас-силича». Или «Васика». Это когда он без штанов.

Основные, определяющие черты Виолетты – отсутствие антагонизма между мироощущением и мировоззрением и максимально возможное отражение планетной доминанты на её личности. Обе эти черты были замаскированы относительной скромностью макияжа, определённой строгостью одежды, сдержанностью в движениях и деловой задумчивостью курносенького личика.

Однако всякий мужчина, адекватно ощущающий свою принадлежность к противоположному разряду живых существ, несмотря на отсутствие телергонов, гормональной характеристики и данных о структуре двадцать третьей пары хромосом Виолетты, почувствует в её присутствии дыхание жизни.

И Василий Васильевич воспрянул. Виолочка хотела сообщить что-то важное – он забыл об этом. Скорее, скорей из «Вас-силия Вас-силича» обернуться «Васиком», из трясины обычных отношений «тывыканья» - в кратковременную, грубовато-интимную сферу взаимного «ты».

- Василий Василич, здравствуйте! – сказала Виолетта.

- Добрый день, Виолочка! Я тоже ужасно рад видеть тебя, - ответил Василий Васильевич. Одновременно на радостный вид её и приветствие. – Выпьешь коньячку, Виолочка?

Обобуров, выдернутый из пиджака и из-за стола этим с обезьяньей стадии эволюции постоянно функционирующим инстинктом, забежал за спину нетнетспасибоющей Савалеевой и попытался загнать её в «уголочек» - за неприметную дверь в правом углу кабинета.

Но Виолетта, смущённо поворачивая головку то направо, то налево, не в силах уследить за челночно бегающим позади неё Обобуровым, сделала вид, что не поняла его намерений, и уселась в кресло к приставному столу. Василию Васильевичу и в голову не приходило, что терпкий аромат его побелевшего в местах соединений пиджака, с которым не способны соперничать ни «Командор», ни Curragh, ни тем более «Шипр», могут по-разному восприниматься его супругой Тамарой Мартыновной и Наилёй-Виолеттой Савалеевой. «И мелькали даты, унося года», - с иронией мысленно пропела Виолетта.

Чтобы не возвращаться более к одежде Виолетты Савалеевой, следует сказать, что одежда её обладала некоторыми особенностями, общими для одеяний тех женщин, которые не исключали в полной мере возможности служебно-производственных романов. И эти-то особенности одежды усиливали и без того существенный чувственный компонент обобуровских душевных процессов.

И в мыслях – с каждой секундой – он всё более ограничивал сексуальную цель соединением одних только гениталий, а спустя минуту уже с тупым недоумением пялился на единственную заклёпку сшитой с запахом юбки и, дрожа, массировал подлокотники кресла. Обобуров слышал звук голоса Савалеевой, однако сознание его не в состоянии было отразить услышанное в словесных и образных формах.

- Ну хорошо, хорошо, - выговорив все шесть «о», сказал Обобуров, - мы с этим разберёмся.

И потянулся к заклёпке. Савалеева мягко вернула руку Обобурова на подлокотник кресла и воскликнула:

- Вас-силиий Вас-силич, вы же меня не слышите! Я говорю: вас хотят привлечь к уголовной ответственности! Я вам вчера даже домой звонила. Но не застала вас.

- Виолочка, давай ещё выпьем, - предложил Обобуров, натужно улыбаясь тёмному пятнышку одной из покачивающихся в такт движениям выпуклостей её.

Весь мир реальности спрессовался вокруг прелестей Виолочки, и слова женщины никак не могли пробиться сквозь барабанную дробь рефлектирующей души Обобурова. Савалеева, пытаясь достичь понимания, и повышала громкость голоса, и меняла тональность его, и ускоряла поток произносимых слов – всё тщетно, пронзить шестислойную кору наполненного острыми, болезненными искрами мозга мужчины ей не удавалось. И в доказательство известного постулата о том, что «устремлённому достаточна самая тонкая поверхность», с упорством бродячих муравьев, ломился Обобуров к фатально мерцающей цели. И уже зелёные огоньки раздражения вспыхивали в кругленьких рыжих глазках его.

Однако и устремлённый может спотыкаться на промежуточных этапах.

4.

Арсов стоял, полуотвернувшись к окну двери, на предпоследней ступеньке. Это очень удобная позиция. Вся полость автобуса – в сфере обзора. И выйти в любую минуту можно без особых затруднений. Боковым зрением Арсов надёжно держал объект наблюдения и был убеждён в том, что выйдет сразу же вслед за ним и будет сопровождать блондина неопределённо долго, не приближаясь к нему, держась вне сферы его зрения, то есть, преимущественно, позади.

И Арсов, и блондин – члены вновь образованной, недолговременной, постоянно обновляющейся общественно-транспортной общности людей. Пассажиры объединены движением в одном направлении. Они это понимают. Этот простейший вид движения осознаваем ими наиболее полно.

А о главном движении размышлять они не любят, да и неповоротливый их ум слишком быстро перенапрягается. И боясь быть оторванными от земли, забывая о предполагаемом ими существовании абсолютных ценностей – и вынося тем самым их за пределы господствующей в мире стражайшей необходимости, - они, придавленные тяжёлой социальной наследственностью, с полубессознательным ощущением собственной пустоты и ничтожности бытия, цепляются за лоскуты разлагающейся ткани ранее пережитых восприятий. И под приятную музыку иллюзорного покоя уносятся на свалки вселенского мусора.

Автобус мог повернуть только налево. Или пройти прямо. Справа возводился кооперативный дом, огороженный отвалом строительных отходов. У отвала, стуча тросточкой, топ-

талась очень пожилая женщина со вскинутой головой. Строители были заняты ожиданием арматуры или раствора, а людей на остановках от старушки отделяли непрерывный поток автомобилей и личные заботы каждого.

Автобус, повернув налево, остановился. Уровень бодрствования мозга у пассажиров резко возрос – одним необходимо было выйти, другим посторониться, а кому-то – занять более удобное положение. И хотя каждый человек в своё время включается в космические взаимосвязи, биоритмы нередко совпадают. Круг же отстранения порожденных ими эмоций очень ограничен. В том числе и тех чувств, что появились в последние несколько миллионов лет и которые сознанием животных освоены недостаточно.

Однако Арсов сделал ошибку – задержал внимание на восприятии досадной ситуации. И борьба, незамедлительно разгоревшаяся, не смогла, в результате, осесть горьким осадком победы, а окончилась известным безадресным вопросом.

Он ещё обернулся на лязг двери, но это была совершенно бессмысленная рефлекторная реакция. Стучать в двери и проситься обратно в автобус было бы ещё нежелательней, чем упустить блондина.

Автомобили шли сплошным потоком, и надежда на удачную погоню за автобусом на такси, которое, кстати, в этой бетонной деревне большая редкость, с каждой секундой таяла.

А старушка уже плакала. Пока – без слез. Губы её кривились в страдании и что-то шептали. Так это виделось Арсову. В действительности старая женщина, стараясь перекричать немоту ужаса, взывала: «Люди добрые, спасите! Кто-нибудь! Покажите, где асфальт!»

Арсов выставил вперёд ладонь с напряжёнными, расставленными пальцами и свирепо двинулся наперерез вонючим автомобилям.

«Бабушка, давайте я вас провожу. Вам на какую остановку нужно?» - «Ой! Господи! Мне на улицу Карла Маркса. Мне бы только на асфальт встать». – «Идёмте, я вас провожу». – «Спаси тебя Господь! Как зовут тебя? За кого мне Богу-то молиться?» - «Да я, бабушка, атеист». – «Вот ведь – неверующий, а – добрый человек. Дай тебе Бог здоровья!» - «Вы бы, бабушка, не ходили одна далеко». – «А не ходила бы, сынок, так уж давно бы умерла».

Старушка Арсову понравилась – худенькая и чистенькая.

5.

Арсов находит телефонную кабинку и звонит Бегунку, набирая номер дежурного по отделу милиции. И ждёт, когда прервутся размеренные гудки. И вдруг! Ознобом сморщило кожу на основании черепа. Только что он набрал телефонный номер: два – шестьдесят восемь – тридцать шесть. Ведь этот же номер принадлежит к числу тех десяти, один из которых набирал блондин. А он, идиот, звонит Бегунку, чтобы просить его установить владельцев этих самых десяти номеров. Бегунок уже снял трубку, представился, три раза произнёс слово «алло» и по два раза «слушаю» и «говорите», когда Арсов, взяв себя в руки, сказал:

- Послушай, ты, отрыжка системы... Да, я не представился, в отличие, так сказать... Арсов звонит. Так вот, где был около половины одиннадцатого? Звонил тебе... Ну, по адресному надо было пробить одного.

Арсов, понятно, не исключал того, что Бегунок никуда не отлучался. В этом случае Бегунок глаза на трубку вытаращит и заявит, что всё утро сидит у пульта, как приклеенный. И подобный ответ для Арсова был бы предпочтительней иных.

Но Бегунок сказал другое, а именно:

- На место происшествия я ездил. Ну, диктуй, кого пробить.
- Да уже своими силами обошёлся.

- А звонишь зачем тогда? Делать тебе, смотрю, нечего, - резюмировал Бегунок. И, спохватившись, торопливо добавил: - Холмсик, пардон, Максик, слышь, может тебе халтурку подкинуть? Рубля на три, а?

- Давай, а то ведь вы государство разорите, а до истины так и не доберётесь. Только коротко. И – самое главное.

- Я бы тебе протокол осмотра зачитал, но он у Понгова. В общем, двухкомнатная квартира в пятиэтажке, обстановка в квартире – типичная для одинокой не первой молодости женщины. Перед большой комнатой, слева, - дверь в маленькую комнату. В комнате, кроме шифоньера, секретера и дивана, никакой мебели нет...

- А сколько в эту комнату шкафов вместились бы ещё?

- Не придирайся! Продолжаю. Труп лежит на спине, головой к двери. Обилие следов крови на полу свидетельствует о большой потере крови. Удары наносились тупым твёрдым предметом. Предмет, вероятно, - круглой конфигурации. Да, чуть не упустил... Алло! Ты меня слушаешь? Ударов было не менее пяти. Алло!

- Тебе что, нужно, чтобы я поддакивал после каждого слова?

- Не обязательно. Можешь сопеть или покашливать. Слушай. Смерть, скорее всего, наступила мгновенно, в результате шока и большой кровопотери.

- Руки осмотрели?

- Да. Ничего. Вообще, следов борьбы, изнасилования не обнаружено. Одетая потерпевшая в один лишь халат, белья на ней нет. Но что странно... Халат, понимаешь, застёгнут неправильно, со смещением одной полы относительно другой на одну пуговицу. Смерть наступила не сегодня и даже не вчера. Предположительно, три дня назад. На замке следов механического воздействия не обнаружено.

- Английский замок?

- Нет. Уходя, преступник или преступники закрыли дверь ключом.

- Какие-нибудь следы-то нашли? Отпечатки пальцев, следы ног?

- Следов пальцев довольно много, но идентифицировать их будет непросто. Следы – не свежие. Следов ног нет. Потерпевшая была, видимо, чистоплотной. Преступники – тоже. В большой комнате, на полу, - ковёр. Но и на нём нет вмятин от каблуков.

- Ограбление?

- В том-то и дело, что нет. В серванте – пятьдесят рублей. И не заметить их было невозможно. Со слов соседей, ничего якобы не пропало, - заключил, судя по всему, Бегунок изложение обстоятельств трагического события.

- И что вы ещё там сделали? Что выяснили-то?

- Да ничего больше. Изъяли лоскут со лба трупа и часть черепа со следами воздействия на них орудия преступления. Экспертиза покажет, когда было совершено убийство. Понгов опрашивает соседей.

- Ну а что о потерпевшей известно, о её образе жизни? – Арсову хотелось закончить разговор в связи с тем, что он устал отворачиваться от упорно вылезающего на его обозрение худого семидесятилетнего старика в бежевой рубашке с плексигласовыми орденскими планками, в галифе защитного цвета и женских коричневых сапогах на светлой платформе-горке. – Вам, я смотрю, полчаса хватило на осмотр места происшествия. Спецы экстра-класса! Протокол осмотра, наверно, на одну страничку втиснули? А? Могу дать совет. Езжай обратно и осмотри всё до последнего ящичка кухонного стола, перечитай все бумажки, перетряси весь мусор. Ну а потом уже можно отрабатывать все связи.

- Ну хорошо, я поеду. Но всё-таки... А что я должен и... что могу там выяснить?

- Простейший вопрос. Могла ли эта женщина открыть дверь кому-либо в неправильно застёгнутом халате? Почему на ней не было белья? Была ли она спросонья? В каком состоянии была постель?

- Ей сорок четыре года. Женщина аккуратная – всё лежит на своих местах. Глаза... по-моему, подкрашены. У неё один глаз не залит кровью. Фигура у неё – ничего, следит, видимо. Диск, самомассажёр, даже гантели есть.

- А следов крови на гантелях нет?

- По-моему, нет.

- По-мо-о-ему, - дразнит Арсов и вновь отворачивается от старика, который колющий свой взгляд стал сопровождать постукиванием скрюченными костяшками по стеклу. – Надо точно знать. Зубы-то можно было посмотреть, когда почищены?

- Вообще, не похоже, что спросонья, но диван застелен простыней, покрывало и подушка смятые.

- Постель её?

- Она же одна проживала.

- Ну а пяти минут – осмотреть постель... Пять минут жаль было?

- Но диван даже не раздвинут. Да я уж сказал: смотаюсь ещё раз. А ты не сможешь подъехать? Слышь, Макс? Подгребёшь? Если раскроем, я тебе полтинник гарантирую. А может, и больше Свирепый подпишет. Убийство же, сам понимаешь.

- Хорошо. Я подъеду через полтора часа плюс-минус несколько мгновений. Адрес?

- Советская, восемь, двадцать три.

6.

Вчера, передавая список лиц, окружавших Виктора Зудитова, Марсик, по просьбе Арсова, охарактеризовал – очень коротко – каждого. И Арсов не смог бы, пожалуй, объяснить, почему он решил, что Ирина Зелинка не пойдёт провожать Зудитова в последний путь.

И он оказался прав. Она и не помышляла об этом. Когда, договариваясь по телефону о времени и месте встречи, Арсов спросил её, идёт ли она на похороны, то содержащееся в вопросе предположение, судя по голосу, даже удивило её.

Арсов опоздал на полторы минуты, Ирина Зелинка – на шесть. Она уверенно и шумно, не стесняясь гула шагов, прошла через пустое фойе и вошла в канцелярию суда, где её ожидал Арсов.

Арсов узнал её сразу – сероглазую блондинку, олицетворявшую удачное соединение симпатичности и сексуальной привлекательности. Направленность информационно-энергетических всплесков двух толкнувшихся навстречу друг другу микролептонных полей грозила изогнуть составляющие существования их источников.

Подкрашенные утренним впечатлением очертания форм частей тела Зелинки, их пропорциональность, симметричность, грация и ритм движений, эстетичность совокупной цветовой гаммы, привлекательность игры света и тени, приятный для слуха звук голоса – все эти компоненты чувственного восприятия – в разной степени, не поддающейся количественной градации, - на фоне ясного осознания Арсовым противоположности пола Зелинки, усиливали притягательность молодой женщины, создавая иллюзию непреодолимости.

Арсов повернул голову в сторону окна и между ветками берёзы увидел дом, балкон, на балконе – молодую пару. Она выдавливала прыщи на его спине, и это обоих очень веселило.

А до наблюдения сцены выдавливания прыщей были «Здравствуйте» и «Добрый день», «Проходите, садитесь, где вам будет удобно» и «Спасибо... Мне здесь будет очень удобно», «Мы сегодня ехали с вами в одном вагоне» и «Неужели? У вас, очевидно, хорошая зрительная память», «Увы, способен запомнить лишь самые яркие впечатления. Вы закурите?» и «Нет, спасибо. Я выкуриваю лишь семь сигарет в неделю».

- Прежде всего, уважаемая Ирина Степановна, - добавив в голос лёгкости и дружелюбия, Арсов перешёл к официальной части встречи, - я хотел бы узнать ваше мнение о смерти Зудитова. Что вы думаете о причинах его самоубийства? Или полагаете, его убили?

- Нет-нет! – с некоторой экспрессивностью сказала Зелинка. – Конечно, он сам... - И убеждённо (и убеждая Арсова) добавила: - Сам!

- А причины? Зачем он это сделал? Что могло толкнуть на этот шаг? – как бы удивляясь поступку Зудитова, спрашивал Арсов.

- Я думаю... Он, я думаю, разочаровался в жизни, перестал верить, что когда-нибудь будет лучше.

Зелинка говорила осторожно, как человек, ещё не сделавший выбора нужного тона.

- А в чём конкретно, по вашему мнению, он разочаровался? У вас был с ним когда-нибудь разговор об этом?

Арсов сидел удобно и, приглашая собеседницу к длинному разговору, выпускал слова неторопливыми, бережными движениями губ.

- Да нет, я не сказала, что разочаровался он. Просто... жить тяжело. Ведь тяжело же жить. Вы согласны?

Зелинка улыбается так, словно речь идёт о погоде и она спрашивает: «Чудесная погода, не правда ли?»

- Но я – не о нас с вами. Я хотел бы, чтобы вы рассказали о нём. – Арсов делает паузу, надеясь внушить женщине мысль о своей терпеливости. – Я просил бы вас быть откровенной со мной, - добавляет Арсов, и Зелинка слышит именно то, что он хотел бы произнести: «Я требую откровенности. И я заслуживаю её».

Максим Арсов, переживающий неделю сниженных жизненных сил, не способный должным образом задействовать глубинный поток сознания, решил всё-таки, что он в состоянии результативно побеседовать с Зелинкой.

- Мне сказали, вы больше других должны знать о Зудитове, - начал Арсов. – Мне даже сказали – прошу меня простить, если это сплетня, - что вы были близки и некоторое время встречались.

- Да это же неправда! – спокойно ответила Зелинка и добавила много лишних слов: - Кто вам мог такое сказать?! У нас никогда ничего не было. Никогда и ничего... Хотя я и нравилась ему. Я знала.

- Он говорил вам об этом? Или писал?

- Нет, он никогда мне не писал, он говорил, когда ещё был жив, - помотала Зелинка головой. Первая часть фразы, состоящая из того же количества слов, что и вторая, была произнесена несколько быстрее второй.

- И как вы к этому отнеслись? – спросил Арсов, незаметно погружаясь в размышления. Ему было о чём поразмыслить.

- Как? Ах, я уже не помню. Ну... – Зелинка сменила позу, расслабив спину и слегка запрокинув голову, словно ей предстояло совершить серьезное усилие над памятью. – Ну... конечно же, я дала ему понять, что он не в моём вкусе, что мне нравится другой. Да и мне действительно в то время нравился один молодой человек! – в заключение воскликнула она.

- А когда, при каких обстоятельствах, Ирина Степановна, Зудитов объяснился с вами?

- Где-то полгода назад тому... Да, в январе. Мы сидели у Бякина. И на кухне... Да, на кухне мы почему-то оказались одни, курили, кажется, ну и он... В общем, стал ухаживать.

- Прошу меня простить, Ирина Степановна, но для меня важны подробности. Если можно, - попросил Арсов и откинулся на спинку стула в ожидании, опустив, правда, голову.

- Если говорить откровенно... - Зелинка усмехнулась, помолчала и продолжила: - Его ухаживания, этакie плебейские, суетливые, даже, я бы сказала, смущённо-суетливые какие-то, у меня лично вызывали раздражение. Простите, но в его возрасте полагается уже не ухаживать,

а волочиться. И сразу же сообщать о своих возможностях. Желательно, естественно, умно или хотя бы интеллигентно, что, кстати, по зубам и людям с невысоким коэффициентом интеллектуальности. А он завертелся вокруг меня, прикоснуться боится... А на лице этакая розовая беззаветная восхищённость, как у шестнадцатилетнего онаниста, простите за грубость. И лепечет: «Очаровательная, непредсказуемая...» Женщинам, естественно, нужны такие слова. Но их же, простите, нужно произносить с соответствующим концу двадцатого века отношением к подобным словам! А он лепетал, всегда лепетал, даже когда кричал! Он был приговорён к пожизненному лепету!

Последние слова Зелинка произносила непосредственно в лицо Арсову. Однако, закончив, неожиданно улыбнулась и вновь приняла удобную позу.

Арсов улыбнулся в ответ, как бы осуждая Зудитова и занимая место рядом с нею. Он помолчал, не торопясь сгонять с лица улыбку, потом заговорил:

- Давайте продолжим... Согласитесь, Ирина Степановна, вы не назвали сколько-нибудь существенной причины самоубийства Зудитова, но, тем не менее, убеждены в этом. Отчего вы убеждены, что он не убит?

- Но если бы его убили, то было бы возбуждено дело! Вы согласны? Нас бы всех сейчас... Нас в милицию всех вызывали бы, допрашивали. Так же?

- Признаю, что в ваших словах – огромная сила убеждения, однако, увы, не достаёт убедительности.

- А не пробовали смотреть на смерть Зудитова иначе?

Тональность голоса Зелинки сменилась, и Арсову показалось, что взгляд её стал очень спокойным и жёстким.

- Иначе? – спросил он.

- Как на освобождение от звериных жизненных отношений, от хаоса жизни, который не по зубам комплексуемым невзрастеникам. И который, между прочим, ими же и создаётся. Не выдержал давления отбора. Ну и Бог с ним! Исчез, превратился в пространство или ещё во что-нибудь, чтобы скорее восстановилось положение идеальной разумности. Для него наша жизнь, всё это, что вокруг, - мир страданий. Такие, как он, уходя, уносят кусочки страдания, приближая всеобщую гармонию.

- А не займёт ли кто-нибудь из нас его место? А каким образом это произошло – всё равно?

- Стал рабом обстоятельств, не смог управлять ситуацией – его вина.

- Но если смерть – результат чьих-то действий? Противоправных, например?

- Ну давайте всех волков расстреляем – они зайцев поедают, - а потом за людей примемся. Одни вегетарианцы останутся. Не так тесно будет.

Полемиический запал, тонизировав нервную импульсацию, оживил и омолодил Зелинку, преобразил обычно устало-нежный взгляд скучающе-грустных серых глаз.

И Ирина Зелинка была права. Рвущийся из мира эволюционно возникших и наследственно обусловленных поведенческих структур, из мира рефлексов и эмоций – в неуют смещённого сознания единственный представитель семейства людей человек, хищник, вынужден (под гнётом возрастающих потребностей) отказать другим стабильным единицам, в том числе – животным, в наличии у них способности мыслить и рассуждать, благо речью они не владеют, и обращаться с ними по собственному усмотрению.

Однако Арсову Зелинка казалась не хищником, а... приманкой, скорее. И он, почти не слушая её, думал о том, что, покусав зарумянившиеся мочки её ушей и высохшие губки, он не чувствовал бы себя лежащим в чужой несвежей постели.

Ирина Зелинка, между тем, говорила, что всё нелепое, бесполезное и случайное должно быть отброшено, чтобы под свалкой не было похоронено то, что целесообразно. И это – неот-

вратимо необходимо. Объём неистраченной энергии страстей велик, однако это не может продолжаться бесконечно долго, стремление к равновесию – вечно.

Арсов посмотрел в окно на бредущую за детской коляской молодую женщину в зелёной кофте и чёрной юбке, бордовых туфлях и голубых носках, и ему подумалось, что рудокопы прошлых веков тачки свои толкали более грациозно. «На свалку везёт», - мелькнуло.

- Теперь понимаю, Ирина Степановна, что беседа с вами будет очень полезна. Полезней, чем мог предположить, - сказал Арсов и предложил: - Расскажите ещё что-нибудь о Зудитове. Что он был за человек? Чем жил? Как относился к друзьям? Как относился к женщинам, к родственникам и просто знакомым?

- Да ко всем относился как обиженный ребёнок, жалкий и беззащитный. Правда, скрывал это. Но всё равно у него был такой вид, словно пятнадцать лет – в одной квартире с тещей. Знаете, он из тех, кто всю жизнь хотят чего-то доказать. Которые верят, что во всех заложено поровну, что всего можно достичь. Только бы подножки не ставили. И всё рвался в заповедники для привилегированных. А ему бы – тренироваться, простите, в самодисциплине и самоограничении, вырабатывать скромненькие потребности и радоваться солнышку да зелёной травке.

- Что, например, он хотел доказать?

- Да взять что угодно! – Зелинка пошарила вокруг себя взглядом. – В магазине нахамили – подайте жалобную книгу. Мы же не можем мириться с общей очередью. Это нас унижает. Пусть – очередь, но – не общая. И, конечно, жильё! Он говорил, что убьёт Обобурова. Проще простого – кричать: реализуйте моё право на жилище! Другие на стройки идут или в сантехники за жильём, в начальники лезут или в постель к начальникам, а таким, как он, просто – за красивые глазки. А тут ещё машина замаячила, приняла реальные очертания, а потом пропала. Это его вообще взбесило.

- Неужели был способен убить Обобурова?

- Обобурова? Вряд ли. Припадки презрения и ненависти, естественно, испытывал, но подсознательно он признавал превосходство Обобурова и им подобных.

- Почему так думаете?

- Однажды он при мне просил закурить у встречных. К молодому мужику чиновничьего вида он обратился на «вы» и начал с «извините», а к мужику в возрасте, но пролетарского вида – на «ты»: «Закурить, мол, не дашь?»

Арсову было грустно, ему вовсе не хотелось щекотать в мозгу Зелинки зону отрицательных эмоций, задавая крутившиеся у гортани вопросы. Однако несколько вопросов он всё-таки не мог не задать. Их следовало задать именно сейчас, хотя Арсов и понимал, что ответы на них он получит позднее.

Человек не может не выбирать. И в этом смысле он обречён на свободу. Если бы это действительно было так! Но Сартр не прав. Мир символов и логики овеществлён и признан миром реальности. Эмоциональные реакции завернуты в кокон внешних задержек. Поведение людей ритуализировано. Животных заключают в зоопарки и распинают на аренах цирков.

И никто не знает, когда засмеяться, чтобы повисить содержание адреналина, а когда заплакать, чтобы вывести токсины из организма.

- Он всё-таки проводил вас тогда, Ирина Степановна?

- Нет. Точнее, проводил, однако лишь до трамвая.

- Позднее он возвращался к этому разговору?

- Да, раза два или три. Но я не придавала этому значения. – Зелинка пластичными розовыми пальчиками выловила сигарету.

- А он?

- Как будто. Но он же взрослый человек, он должен был понять.

- А это правда, что он был избит вашими друзьями? Это было сделано по вашей просьбе?

- Что вы?! – ужаснулась Зелинка. – Я лишь пожаловалась на его навязчивость... некоторую. С ним просто хотели поговорить... А что там... - Зелинка приподняла плечи на вдохе, а на выдохе опустила.

- Вы имена друзей ваших не назовёте?

- Нет-нет. Как-нибудь в следующий раз, - улыбнулась Ирина Зелинка.

7.

Арсов подошёл к квартире убитой в тот момент, когда из раскрытой двери доносился голос диктора, сообщавшего, что водитель кооператива «Курс перестройки» сбил пешехода.

В меньшей комнате, десятиметровой, в которой был обнаружен труп, вывезенный к этому времени в морг, откинув в угол дивана постельное бельё, сидели Бегунок и работник прокуратуры Сялова. Сидели и разговаривали о прочитанном, о политике и экстрасенсах.

Надо сказать, что эти существа задержались в своём развитии на стадии создания социальных теорий, концепций, учений. Оправдывая это необходимостью поисков истины, они – с помощью социальных обобщений и типизации – пытаются отразить действительность. В это вовлечена масса людей. Признавая лишь диалектику страстей и стремлений, способностей и личных качеств, навязанных индивиду организацией общества, но игнорируя психофизиологическую организацию человеческой природы с её наследственностью и космической многосвязью, они создали стройную систему мифов.

Однако я, как уже было сказано, не ставлю своей целью вносить вклад в мифотворчество сообщества этих существ. Поэтому после окончания эксперимента будет произведена дематериализация данного опуса.

И, конечно же, Бегунок и Сялова не могли не коснуться национальных конфликтов последнего времени.

- По телевизору как-то одна девочка сказала, - предварительно хохотнув, сказал Бегунок, - дружба народов у нас сейчас, говорит, обостряется.

У Сяловой имелись проблемы с юмором, но и жизненный опыт имелся. И она, откачнув голову назад, широко улыбнулась.

Полчаса она, громоздкая и некрасивая, слушала Бегунка, вставляла реплики, улыбалась. И всё это время, вовлечённая в сферу его обаяния, пыталась сплести цепочку мыслей, однако разум её оказывался беззащитным перед побочными, неконтролируемыми ассоциациями, и звенья мыслей терялись в структурах разогретого электрическими залпами нервных клеток мозга.

А Бегунок, который привык достаточно высоко оценивать проявления полового влечения самого по себе, без необходимости оправдывать его внешними достоинствами объекта, взглядами, улыбками, болтовнёй, прикосновениями, вроде бы товарищескими, активно нагнетал чувственное напряжение.

- По-моему, не только дружба народов обостряется, - проворчал, входя, Арсов.

- Что вы имеете в виду? – с деланным удивлением спросила Сялова. Однако в мыслях зашедшая действительно очень далеко, смахнуть с лица тень смущения не сумела.

Отвечать Арсов не собирался. «Я уже большой – понимаю». Но это мысленно. И в хмуrom молчании замер перед Бегунком: пусть, мол, он теперь отчитается о проделанной работе. Уж больно мало удовольствия помогать бездельникам.

Из комнаты не выветрились ещё конвульсирующие остатки царившей здесь некогда эманации беспомощной, неполноценной, ничтожной природы, не способной реалистически утверждать себя и отчаявшейся до степени покинутости, отверженности и совершенной безысходности, отягощённой критическим количеством пропущенных моментов выбора, когда уже ничто,

никакие петли и скидки, не могли помешать покорно замкнуть личный круг, неизбежный и роковой.

Впрочем, дара ощущать это никому из троих не дано. А вот запах трупа они обоняли. Но все трое были в том возрасте, когда страх смерти испытывают лишь увернувшись от трамвая, боязнь физических страданий приближается, однако ещё далека, а ужас осознания возможности никогда не достичь счастья приобретает зловещие контуры материального субстрата.

Бегунок приступил к сообщению о результатах повторного осмотра квартиры потерпевшей, а Сялова, замаскировав материнской снисходительностью отблески угольков грубо погашенного вторжением Арсова эротического костра, поглядывала на «самодовольного и самолюбленного дилетанта», отыскивая в его внешности особые приметы. Она неоднократно встречала Арсова, однако сегодня вновь не сразу узнала его, и это ощутимо потревожило её самолюбие. Сяловой не было известно, что с первой встречи Арсова запомнил лишь начальник седьмого отдела УВД облисполкома.

Бегунок сообщил, что шифоньер и секретер в маленькой комнате пусты, дверцы и шифоньера, и секретера были открыты, а в постели обнаружены два волоска: светлый и чёрного цвета, длиной оба пять – шесть сантиметров.

- Откуда? Pubis? – спросил Арсов.

- Да, – ответил Бегунок.

- Потерпевшая?

- Блондинка. Натуральная.

Далее Бегунок сообщил, что в секретере имеется мусор, среди которого внимание привлёк лишь обрывок бумаги со словом «прокурору» в правом верхнем углу. В слове «прокурору» имеется исправление – после второй буквы «р», – поэтому, вероятно, листок был смят и на нём ничего больше не написали. В комнате, кроме всего прочего, имеется одна гантель, вторая, со следами крови на ней, обнаружена работниками саночистки во дворе около мусоросборника. Интересно также то, что в большой комнате, в одном из отделений шкафа, находится несвежее постельное бельё. Там же находится и ночная рубашка, тоже несвежая. О потерпевшей Бегунок сообщил, что она работала штукатуром-маляром, с мужем разведена двенадцать лет назад, сын – в армии, дочь учится где-то в институте в другом городе. Мужчин видели, однако имеется ли у неё постоянный любовник, опрошенные не знают. Между ею и соседями отношения были прохладными, так как убитая любила позлословить. Опрошены ещё не все.

- Но – самое главное... Слышишь? – Бегунок, улыбаясь, ждёт, когда интерес Арсова возрастёт до необходимого уровня. – Убийца, а правильнее сказать – убийцы, уже установлены. Не сегодня, так завтра мы их найдем и... - Бегунок, нарциссистски ориентированный, едва ли не по-женски кокетливый, как-то неопределённо манипулирует руками. – Соседка сверху видела, как позавчера из этой квартиры выходили два типа. И ей, этой соседке, показалось странным, что один из них сказал другому: «Да ладно, не закрывай!» Поэтому она и постаралась внимательно их рассмотреть. Одного она уже опознала по фотографии. Это Еропкин, он недавно освободился. А второй, судя по приметам, как считает Понгов, – Александр Мшарин. И сейчас производится отлов этих кадров, злодеев таких-сяких. Вопросы есть? Тебя, вот, ждали, чтобы порадовать.

Бегунок побарабанил пальцами по полировке сапога и легонько, одним нижним веком подмигнул Сяловой, у которой также был вид неожиданно премированного отгулом человека.

- А у вас, я понял, вопросов нет? – Арсов мысленно плюнул в сторону Бегунка, а вот Сялову ему очень хотелось разозлить. Сидит, дура, и млеет возле ёрзающего кобеля. Как же, симпатичный, кудрявый, похожий на Джо Дассена брונет! К тому же не из тех, что, переспав с дамой, в течение целой недели ходят с расстёгнутой ширинкой. И он спросил: – А дверь всё-таки закрыта была или нет? И откуда стало известно об убийстве?

- Да, дверь они закрыли. Соседка после их ухода толкнула дверь и даже позвонила. Она никому об этом не сообщила – спешила на автобус, чтобы уехать в сад. А сегодня утром кто-то позвонил по ноль – два и сообщил о трупе. Мужской голос. Сказали, что по такому-то адресу находится труп.

- И больше ничего?

- Ничего. Ты квартиру-то помотришь? Или пойдем?

- Я посмотрю, - ответил Арсов. – Раз уж пришёл, посмотрю. А вы пока прогуляйтесь до почтового ящика, если не трудно. Да не забудьте спросить Еропкина и Мшарина, или как их там, куда они дели ключ от квартиры. Спросите при встрече.

Спустя пять минут Бегунок вставил обнаруженный в почтовом ящике ключ с двумя бородками в дверной замок и принялся вертеть его в обоих направлениях. Затем ключ взяла Сялова и лично убедилась, что замок и ключ имеют самое непосредственное отношение друг к другу.

Осмотрев маленькую комнату, кухню, ванну и туалет, мимо топтавшихся у двери туповато нахмуренной Сяловой и незначительно пристыженного Бегунка Арсов прошёл в большую комнату и приступил к её осмотру. Бегунок и Сялова последовали за ним.

И Арсов не смог отказать себе в удовольствии остановиться, повернуться и серьёзно, неторопливо, не допуская иронических ноток, сказать:

- Уважаемые коллеги! Вы не возражаете против подобного обращения к вам? Уважаемые коллеги, мы с вами не должны забывать положение о диалектическом отрицании как отрицании с удержанием всего положительного, имеющегося в отторгаемом...

- Да кончай ты, Макс! – попробовал, не очень решительно, перебить Бегунок.

- Минутку! Не должны забывать, и потому я прошу вас пройти в туалет и приобщить к протоколу... Где ваши понятия-то? Приобщить прилипшую к унитазу бумажку. На всякий случай. А то мало ли что. Вы, конечно, заметили, что в унитазе кто-то сжёг обрывки бумаги. Но вы, очевидно, не обратили внимания, что один клочок не сторел – остался. – Арсов готов был признать разговор оконченным, однако заметив, что Бегунок и Сялова продолжают пародировать придорожные столбики, вернулся к своему предложению: - Алексей, возьми это на себя, не побрезгуй. Приклеился он очень удачно, поэтому вряд ли его кто-нибудь сумел осквернить. Разве что члены следственной группы.

Произнеся заключительные слова, Арсов посмотрел на Бегунка. От перемещения взгляда на Сялову он удержался, однако Сялова, тем не менее, глаза опустила.

И последовало приобщение к протоколу осмотра места происшествия обрывка, судя по всему, листка записной книжки. Это была правая его часть, длиной десять сантиметров, а шириной сверху около трёх сантиметров, внизу – один сантиметр. В записях, произведённых пастой синего цвета, почерком, схожим с написанием слова «прокурору», уловить какой-либо смысл не представлялось возможным. Имелись неполные слова, окончания слов и всего лишь несколько слов полных. Было ясно, что строчки – разной длины. Поэтому некоторые строчки обрывка были пусты. Вверху имелось неполное слово «...мунизма», ниже через две клетки – «штаны», ещё через одну – «...терел», вновь через две – «флюиды» и через две клетки – «Я», заключенное в кавычки. Что могло связывать слова «штаны», «флюиды» и «Я», взятое в кавычки? Да ещё что-то там коммунизма в первой строчке (ничего иного в голову не приходило).

8.

Ряды могил начинались в трёх десятках метров за забором кладбища. Справа, у первого ряда, шевелилось несколько десятков человек, однако Арсов и глаз не повернул в сторону мраморно-бетонных сооружений. Он знал: хоронить здесь Зудитова не могли – не для него была

оставлена эта полоска земли. Нужно идти дальше, скорее всего – в самый конец этой жалкой овеществлённой дани ориентации людей на достижение бессмертия во славе. Сквозь мерзость запустения, неизбежную, пожалуй, и нормальную, сквозь угнетающие воздействия неумелых могильных цветников, наступая на узлы пространственно-временных координат и погружаясь в зону эмоциональных отношений с усопшими, в сферу личных взаимоотношений со смертью, - не неизбежностью возможной и не возможностью неизбежной, а – неизбежностью.

Он скоро нашёл провожавших Зудитова и стал перемещать взгляд по ряду тревожно-напряжённых лиц, сортируя их обладателей на несколько категорий. Тревожная напряжённость – их временное состояние, и скоро его сменит более привычное состояние напряжённой возбуждённости. А сейчас они, потребители, неповоротливые и прожорливые, как тля, приоткрыли рты и расслабили кисти рук, абстрагировавшись от жевания и хватательных рефлексов, и растерянно поглядывают сквозь мутные стёкла разбуженного страха смерти, боясь нарушить общепринятый ритуал.

И блондин уже здесь, вертит головёнкой. Заметил – успокоился. «Значит, им известно, для чего я приехал», - отметил Арсов.

С суеверием придумавшего погребальный обряд неандертальца посматривая в сторону гроба с телом Зудитова, к холму выброшенной из могильной ямы земли выдвинулся Марсик, мощный и близорукий, как носорог, сурово помолчал, заговорил:

- Друзья, сегодня мы провожаем в последний путь нашего товарища. Как говорят, одного из нас. Он прошёл не длинный путь, и это особенно печально, но путь – достойный. Он отдавал все силы борьбе за права человека, но самому ему сил не хватило – он пал жертвой тоталитарной системы...

Оратор стоял на муравьиной тропе и давил, не замечая, черно-бурых муравьёв. И говорил, в паузах скорбно смыкая губы. Смысл его речи сводился к тому, что человеческая жизнь не ограничивается биологическими сроками существования организма. Валентин Марсик, дежурный электрик и социолог, пытался обострённое ситуацией сознание факта человеческой смертности нейтрализовать стимулированием у присутствующих ощущения коллективной вечности. Завоевать умы людей легче всего построением ясных картин будущего, особенно – загробного. Однако Марсик был атеистом, и потому чего-либо грандиозного, за исключением сохранения памяти о покойном в сердцах его товарищей, он обещать не мог. И он обещал сохранение памяти в сердцах самих себя не успевающих познать растерянных его товарищей, стремительно несомых к смерти, которая только и могла усмирить и объединить мирки взбодраженных одиночеств.

В заключение Марсик перешёл на стихи:

В небытие от одиночества уходят,
через последний бросившись барьер.
Ну а сначала долго вдоль барьера бродят,
не глядя в оползающий карьер.
Полубезумным взглядом ищут горизонты,
под лица-маски силясь заглянуть,
но там и тут – лишь отчуждённы тусклый зонтик
и равнодушия удушливая жуть.
И пресс отчаянья шлагбаум отодвинет,
из страшного в нестрашный переокрасив цвет
границу между «ЕСТЬ» и «НАВСЕГДА ВСЁ СГИНЕТ»,
границу между «-ДЦАТЬ» и «МНОГО-МНОГО» лет.

Позади Марсика вертелся и бросал шуршащие фразы направо, налево и назад Бякин, светло-серым костюмом, красной спортивной сумкой и говорливостью похожий на попугая жако, живого, но изрядно пощипанного. С бессознательной последовательностью одержимого навязчивой идеей он делал шаг или два вперёд, взмахивая рукой, приоткрывал рот, однако Марсика не перебивал – возвращался на прежнее место.

Но лишь произнёс Марсик последнее слово, Бякин прервал свой танец пчелы, подскочил к бывшему оратору и, нетерпеливым поталкиванием в плечо понуждая Марсика посторониться – в чём, впрочем, необходимости не было, - взмахнул правой рукой... Следовало, казалось, ожидать взрыва выхода из лёгких дикого вопля – так энергично распахнулся рот Бякина, - однако крика не случилось, заговорил Бякин неожиданно приглушённой скороговоркой. И несколько старух с облегчением перекрестились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.